

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИСТОРИИ РОССИИ

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

И. А. ПЕТРОВА

Кафедра истории и культурологии

В последние годы нет недостатка в оценочных суждениях об истории нашей страны советского периода. Большинство из них, навязываемых нам с экранов телевизоров и страниц печатных изданий, носят исключительно негативный характер, расследуя, по сути дела, только одну сторону жизни страны — репрессии. Ни в коей мере не оправдывая преступления эпохи сталинизма, мы должны все-таки отметить, что истории неизвестны такие революционные преобразования, которые обошлись бы без жертв или хотя бы «малой кровью». Судить о предшествующих этапах с точки зрения соблюдения «прав человека» — занятие наименее осмысленное, тем более, что и сегодня мы вряд ли найдем на земле такой обетованный уголок, где они соблюдаются в полном объеме.

На наш взгляд, настало время, когда абсолютно необходимо оценить место советского периода в истории с точки зрения объективных параметров. Нет сомнений в том, что советский период — это время развития индустриальной цивилизации. Поэтому и анализ места советского периода в истории страны целесообразно рассматривать через парадигму индустриальной цивилизации. Обращаясь к истории промышленной цивилизации, выделим ряд основных моментов, свойственных ей. Технологические революции, определяющие цивилизационные скачки в истории человечества, потому и называются революциями, что они приносят радикальные изменения во все сферы жизни общества: социальную структуру, культуру, политику, экономику, здравоохранение. Более того, их предпосылки рождаются также во всех сферах жизни общества, а не только в технологических инновациях.

Переход к промышленной цивилизации связан, в первую очередь, с преобразованиями внутри аграрной цивилизации: повышением прибыльности сельскохозяйственного производства на основе специализации; сокращением количества занятых в аграрном производстве и появлением в связи с этим свободных трудовых ресурсов, пополняющих свободное население городов; изменением в характере торговли и развитием процесса первоначального накопления капитала; серией идеологических переворотов от идей гуманизма до реформации и, наконец, просвещения. Само по себе появление паровой машины Дж. Уатта не могло привести к стадийному переходу от цивилизации аграрной к индустриальной. История России тому лишнее подтверждение. Как известно, универсальная паровая машина была создана в середине XVIII в. и в России И. И. Ползуновым, но при отсутствии остальных предпосылок перехода к индустриализму она оказалась невостребованной. Родиной промышленной цивилизации стала не Россия, а Англия, где эти предпосылки имелись в наиболее полном виде.

В то же время сама промышленная революция вызвала к жизни соответствующие изменения во всех сферах: формирование новой социальной структуры общества (промышленная буржуазия и промышленный пролетариат); появление через серию буржуазных революций новой политической организации в лице конституционных монархий и республик, демографический бум и процесс урбанизации, культурную революцию, развернувшуюся широким фронтом и заключающуюся, в первую очередь, в ликвидации безграмотности, но не ограничивающуюся этим, приведшую к смене не только стилей в искусстве от романтизма через реализм к модернизму и далее, но, главное, изменившую форменным образом мировоззрение и образ жизни человека. И все-таки, главный результат, который промышленная цивилизация дала человечеству — это, на наш взгляд, увеличение средней продолжительности жизни человека вдвое и повышение качества этой жизни.

Без этого необходимого введения попытки определить место советского периода в русской истории обречены на субъективизм. Что же из себя представляла Россия в начале XX в.? Стала ли она страной индустриальной, произошла ли в ней промышленная революция? Обширный статистический материал того времени нам совершенно четко позволяет ответить на этот вопрос отрицательно. 80% населения были заняты в сельском хозяйстве. Это та

ключевая цифра, которая однозначно указывает на то, что Россия оставалась страной аграрной, этому вполне соответствовала и политическая система и уровень культуры страны, в которой большинство населения оставалось безграмотным. Насыщенная духовная жизнь столиц и ряда пригородных усадеб, давшая миру классические образцы художественной культуры, первых нобелевских лауреатов, выглядит скорее очередным русским чудом, чем явлением закономерным.

И все-таки, определенная закономерность здесь, конечно, присутствовала. И связана она с тем явлением, которое прекрасно проанализировал в то время В. И. Ленин, — неравномерностью развития России. Столицы, как и отдельные промышленные районы страны, жили уже по другим законам, законам зарождающейся промышленной цивилизации. Реформы 60—70-х гг. XIX в. открыли не дорогу к ней, а лишь небольшую «калитку» тому новому, что несла промышленная цивилизация. Сложно принимать всерьез утверждения авторов многих учебников истории о начале промышленной революции в России в 30-е гг. XIX в. Строительство одной железнодорожной ветки так же, как и появление десятка пароходиков, скорее, выглядели заимствованным аттракционом, а не цивилизационным сдвигом, происходящим в стране. Более серьезные попытки были предприняты в конце XIX — начале XX в. (С. Ю. Витте), но они не привели к серьезным изменениям в экономике.

Таким цивилизационным сдвигом, бесспорно, явилась Великая российская революция 1917—1921 гг. Революция, в первую очередь, вполне закономерно и относительно легко победила как раз в столицах, где предпосылки для нее были и социально-политические и культурные. Победа же ее в более отсталых регионах закономерно оказалась более тяжелой и решалась в упорных боях Гражданской войны, продолжавшихся на окраинах вплоть до 30-х гг. (борьба с басмачеством).

Новое большевистское правительство прекрасно осознавало необходимость индустриализации страны, но вряд ли в полном объеме представляло сложность ее предпосылок, считая, что власть пролетариата, плановость экономической и социальной политики в кратчайшие сроки позволят их создать. В основе своей главная задача была выполнена. В плане индустриального развития страна за 20 лет (и каких лет), с 1925 по 1945 г., стала вполне соответствовать классическому представлению о стране индустриальной. Только после Второй мировой войны сравнялась численность городского и сельского населения, была ликвидирована не-

грамотность и развернута вполне современная сеть среднего профессионального и высшего образования. По целому ряду параметров, сопутствующих индустриальной революции, страна занимала ведущие позиции. Это, в первую очередь, образование и развитие принципиально нового подхода к здравоохранению. В стране хотя бы формально была решена проблема равенства полов. А поэтому феминистское движение, хотя и существовало (в ряде развитых стран оно превратилось в серьезную политическую силу), но не было оппозиционным, не является оно таковым и сегодня.

Все это позволило стране к концу 50-х — началу 60-х гг. одной из первых в мире продемонстрировать ряд моментов, свидетельствующих о приближении постиндустриальной цивилизации. В первую очередь, здесь речь идет конечно же об освоении космического пространства. Успехи в освоении космоса не были бы возможны без комплексов новейших технологий, в том числе компьютерных. В то же время именно в этот период нерешенные проблемы переходной стадии от цивилизации аграрной к цивилизации постиндустриальной стали сказываться с нарастающей силой и не вполне осознавались руководством страны. Преждевременное свертывание НЭПа (хотя в силу, в том числе, и объективных факторов) оставило ряд нерешенных задач переходного периода, в первую очередь, речь идет об отсталости аграрного сектора. В послевоенные годы сокращение сельскохозяйственного населения от 45 до 25% трудоспособного населения отнюдь не сопровождалось соответствующим ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Стали привычными жалобы председателей колхозов и совхозов на климатические условия, которые воспринимались «с пониманием» руководством. Сегодня они опять продолжают, но чаще выглядят смешными. Сложно поверить, что климат Швеции, Финляндии, Норвегии более благоприятен для сельского хозяйства, чем Кубани, Поволжья и т. д. Проблемы, конечно, лежат гораздо глубже. Задачи индустриализации решались насильственными методами именно потому, что аграрный сектор не создал соответствующих предпосылок индустриального развития. Более того, сверхскоростная индустриализация усугубила многие проблемы аграрного сектора, и не только его. Только в советский период в целом сложился единый внутренний рынок страны, но не благодаря перенасыщенности местных рынков, а через торможение их развития, через пренебрежение к развитию как легкой промышленности, так и аграрного сектора.

Эти диспропорции развития экономической жизни страны сопровождались соответствующими диспропорциями в политической, духовной и идеологических сферах. Сталинизм представлял собой причудливую смесь западно-европейского марксизма с российским бакунизмом, с его глубокой убежденностью в революционных возможностях мужика и деклассированных элементов, с его верой в силу отдельных личностей и т. д.

Поэтому вряд ли приходится удивляться тому, что в современной России мы так отчетливо наблюдаем черты первоначального накопления капитала, что социальные показатели стремительно падают до уровня переходного периода к индустриальной цивилизации. Сокращение средней продолжительности жизни населения на 10 лет за десятилетие новой российской государственности является концентрированным показателем уровня разрушения цивилизационных параметров страны.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОСТИЖЕНИЯ

Г. П. КИБАСОВА

Кафедра истории и культурологии

Исторический путь общества формирует социальное пространство-время. Точнее, они формировались вместе с человеком, с развертыванием его информационно-культурной и орудийно-хозяйственной деятельности, усложнением коммуникативных связей. Благодаря осознанной, целенаправленной деятельности отношения индивидов перестают быть только биологически-телесными, а перерастают в социально-исторические отношения. С этого момента и возникает пространство и время человеческого бытия, содержащее в себе в «снятом» виде многообразие досоциальных форм пространства и времени. Многообразие форм пространства (физическое, биологическое, психологическое и т. д.) образует единство на основе преобразующей деятельности человека. Пространство человеческого бытия отражается и моделируется в мышлении человека: это моделирование зависит от среды обитания и конкретно-исторического способа жизнедеятельности людей. Цель данной работы — проследить истоки формирования социального пространства и отражение этого процесса в сознании человека и самосознании этноса.

Жизнедеятельность человека проявляется в живом движении (в противоположность простому направленному механическому перемещению в пространстве) и связана с сознательным постоянным «овладением» пространством и «преодолением» его. Движение человека или людского потока по коммуникациям, деятельность на рабочем месте или на сцене, заполнение театрального зала или игра на спортплощадке постоянно требуют разнообразного перемещения. Пространства, ограждающие его элементы и материально-предметное наполнение, выполняют здесь роль информатора и регулятора по отношению к двигательной активности людей, их ориентированию, моделированию своего поведения и исполнению этих моделей в действии.

Общественно-производственная деятельность человека со времен своего зарождения проходила в коллективе: охота, производство орудий труда, сельский и ремесленный труд, проведение обрядов и пр. В этих процессах вырабатывались определенные формы действия и общения, происходившие в пространствах сначала естественных, затем искусственных, специально организованных. Обособленная определенность отдельного пространства генетически связана с функциональным действием и движением потребителя пространства. Архитектор, зодчий, строитель — это центральные фигуры, благодаря которым формируется определенная метрика и геометрия среды жизнедеятельности человека. Можно сказать, что архитектор — выразитель социального бытия через создание материальной пространственной среды.

Пространство постоянно соизмеряется человеком по сравнительному психофизиологическому ощущению момента взаимного человеческого общения. Переживая, осваивая пространственные параметры формы через расстояния, визуальную различимость, человек осознает возможный уровень общения, у него возникает соответствующее эмоциональное ассоциативное представление о конкретном пространстве как о камерном, обширном, огромном или беспредельном. Градация ощущений от простора до тесноты в значительной мере определяет эмоциональность восприятия и используется в композиционной структуре построения, например, архитектурных пространств. Американский архитектор Л. Кан (1901—1981) однозначно отмечает: «...Пространство имеет власть над нами и создает настроение» [1].

Расчленению единого пространства человек научился у природы, в которой присутствуют и бесконечно открытые формы, и абсолютно замкнутые пространства, и всевозможные промежуточные формы. Это и бескрайние равнины и пустыни, и под-

земные пещеры; и поля, расчлененные рельефом, растительностью или водной поверхностью; и интимные пространства лесных полей и горных гротов, ущелий. Природные ситуации, осваиваемые человеком на различных ступенях своего развития, в утилитарном и эстетическом отношении послужили впоследствии прототипами в созидательной деятельности по формированию искусственного пространства. Сначала это было сознательное использование естественных пространств при выборе священных мест, затем — приспособление пещер, лесных логов для стойбищ, а позднее — полное строительное созидание. На всех этапах освоения пространства не терялась органичная связь искусственного и естественного, присутствуя в различной мере количественных и качественных отношений между собой. Известно, что человек не терпит их крайних проявлений: от абсолютной замкнутости до беспредельного простора.

Исторически генезис пространственных представлений идет как бы по двум параллельным направлениям: во-первых, освоение природно-географического пространства исходя из реальных потребностей человека и общества; во-вторых, как осмысление этого процесса, преобразование эмпирических представлений в образы и мыслительные категории.

Освоение земной поверхности — одна из доминант жизнедеятельности человека. Уже *homo erectus* (человек выпрямленный, более одного миллиона лет назад) обладал высокой степенью мобильности. Неандертальцу выпало жить в самые суровые для Земли и всего живого времена — в ледниковый период, который начинается примерно 200 тысяч лет тому назад и заканчивается примерно 15 тысяч лет назад. Эта экологическая ситуация заставила человека искать новые и новые экологические ниши и совершенствовать механизм внутригрупповых отношений.

Человек разумный *homo sapiens* выработал действенные механизмы адаптации к различным природным условиям, что позволило ему менее чем за 100 тысяч лет освоить почти все пригодные для его проживания территории на всех континентах. Приняв за основу «африканскую» концепцию происхождения человека, пунктирно отметим этот путь: через Сахару, Северную Африку и Малую Азию он попал в Центральную Европу, а потом через Сибирь отправился на северо-восток Америки и на юг в Индонезию и Австралию. Движущей силой столь обширного расселения был непрерывный поиск более богатой и обильной пищи экологической ниши, и этот поиск продолжался до тех пор, пока

человек не занял все земли Старого, а потом и Нового Света. Это «великое переселение» [2] продолжалось непрерывно примерно до X тысячелетия (до н. э.), пока переход к земледелию не потребовал иных форм организации социальной жизни. Освоение огромных географических территорий порождает ощущение пространственности всех действий и событий. Родовые географические образы — стоянка, стойбище, место, район, пространство, территория — взаимосвязаны генетически, поскольку различение вещей, тел, материальной ткани мира и по осознанию, идентификация смыслов ведет к упорядочению.

История человечества — есть освоение и превращение человеком природного пространства в социокультурное. Поэтому природно-географические и климатические условия существования человека и общества накладывали свой отпечаток на процесс освоения (темпы, направленность, размах) и на особенности представлений о пространстве. О влиянии природной среды писал уже Гиппократ. В работе «О воздухах, водах и местностях» он отмечал, что различия между народами объясняются, прежде всего, местонахождением страны.

Начиная с эпохи просвещения, зависимость народов от природно-географических пространств стала излюбленным объектом споров. С распространением социальности на всю сферу культуры (К. Маркс, Э. Дюркгейм, Л. С. Выготский) всякие попытки увязать «факты сознания», «высшие психические функции» или «коллективные представления» с планетарными явлениями квалифицировались как «географический детерминизм». Но дело ведь не в географии, а именно в особой энергетике природно-ландшафтной среды обитания и способах адаптации к ней человека.

Принято считать, что активная роль в формировании знания о пространстве, тем более природном, принадлежит человеку, как мыслящему, чувствующему субъекту. С этим трудно согласиться. Природно-географическое пространство — это не квадратные километры территории, не сумма воды, воздуха, камня и всякой «зелени». У него есть собственные механизмы. Ландшафт Земли есть производящая поверхность, плодами деятельности которой являются флора, фауна, да и сам человек. Поэтому этническая картина мира, этнические стереотипы поведения, особенности характера, формы материальной культуры, миграционные потоки, специфика социального развития обусловлены не только культурой, но и конкретной природной средой обитания человеческого сообщества.

Природно-географические (ландшафтные, климатические, биосферные) и геополитические пространства, с одной стороны, это внешние по отношению к человеческому сообществу факторы, с другой — это та органическая контекстуальность, которая, будучи освоена сознанием и поведением людей, оказывается интериоризована культурой народа, то есть становится ее внутренней структурой и отличительной для нее семантикой. В этом отношении этническая картина природы, отраженная в языке, мифологии, фольклоре, обыденном мирозерцании и религиозности народа, а позднее в формах специализированной культуры — в философии, искусстве, словесности, а также в образе жизни и культуре повседневности, становится частью культуры, относящейся к ее глубинным, матричным пластам.

С. М. Соловьев, а затем и В. О. Ключеский не случайно свои исторические курсы начинают с анализа русской природы и ее влияния на историю народа: именно здесь, в природном наследии, закладываются основы этнического менталитета и характера любого народа. Русская равнина и ее почвенное строение, пограничье леса и степи, река и бескрайнее поле, речная сеть и междуречье, суровый климат и сложные взаимоотношения с соседними народами — все это формировало и мировоззрение русского народа, и фольклорные фантастические образы, и народную философию, и характер земледелия, и тип преимущественной хозяйственной деятельности, и образ жизни, и тип государственности. Иначе говоря, все эти природно-географические факторы, пережитые и переосмысленные в их системности, становятся сеткой координат улавливания и понимания окружающего мира, являются основой менталитета народа. Как отмечал В. Белинский, своеобразие каждого народа сохраняется не в особенностях одежды и пищи, а в своеобразной способности понимать мир.

Эта «власть земли» (Г. Успенский) над русским человеком превратилась в особый культ ее почитания как всеобщей Матери (мать — сыра земля), сохранившийся и в христианстве в особом почитании Пресвятой Богородицы (Хранительницы и Заступницы русской земли). Этот культ был настолько важен для становления и развития русского этноса, русской культуры, общественного строя и государственности на Руси, что это своеобразно отразилось в самосознании русского народа.

Ряд отечественных и зарубежных мыслителей отмечали, что представители различных стран, народов по-русски называются именами существительными и только русские именуют себя именем прилагательным — как воплощение своей принадлежност-

ти существу, причастности предмету высшему и самоценному по сравнению с людьми, составляющими народ [3]. Этой высшей сущностью является Русь, Русская земля, она первична, а русские принадлежат ей, они производны от Руси. «Комплекс принадлежности» Русской земле [4] сохраняется в менталитете русского народа до сегодняшнего дня: апелляция к Родине-матери, Отчизне, к России как носительнице высших ценностей (Святой Руси) сохраняется как устойчивая доминанта этнического самосознания русских, косвенно восходящая к культу национальной природы.

Аналогичную роль в становлении других народов, как показал Л. Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки», сыграли поймы великих рек, архипелаги и скопления островов, горы, степи, пустыни, моря и океаны, тундра и тайга и т. д. Различие природных условий соответственно порождало различный образ жизни, разные типы трудовой и хозяйственной деятельности, разнообразие культов, ритуалов, мифологии, различные формы общественного самоуправления и государственного устройства. Но, отметим, до последнего времени эти основы социокультурного развития народов рассматриваются как второстепенные.

Например, Ж.-П. Вернан в работе «Пространство и политическая организация Древней Греции» [5] обращает внимание на «ячеистость» социально-политического пространства Древней Греции. Основной единицей, ячейкой этого пространства был город-полис. Вернан связывает изменение форм мышления от архаических к «цивилизованным» именно с началом полисной организации греческого общества, созданием локальных, относительно замкнутых миров (город плюс принадлежащая ему сельскохозяйственная округа — хора). Таким образом, он от констатации специфики социальной организации пространства идет к специфике политического пространства, а от него к особенностям космогонии, философии и науки в целом. Мы попробуем вернуться назад к исходным причинам такой организации социального пространства Древней Греции.

Очевидно, исходным моментом в этих рассуждениях должен быть тот факт, что Древняя Греция как колыбель европейской цивилизации сложилась в особых природно-географических условиях, которые в немалой степени способствовали этой ее роли. Ячеистость, характерная для организации древнегреческого общества, была в немалой степени обусловлена спецификой ландшафта и географического положения.

Ячеистость (острововидность) является особенностью, прежде всего, географии Древней Греции. Во-первых, значительная ее часть располагалась на островах, которые находились друг от друга на расстоянии видимости. Эта «видимость» как бы стимулировала природную страсть человека к освоению новых и новых территорий. Через крупные острова, такие как Крит, Греция торговала с Египтом и восприняла достижения древнеегипетской культуры, а уникальная критская культура XX—XV вв. до н. э. является одним из важнейших истоков культуры самой Греции. Островами Греция была связана и с Малой Азией. Средиземноморское побережье, а через Босфор и Дарданеллы, и черноморское побережье уже в VII—VI в. до н. э. стали местами активной колонизации древних греков.

Во-вторых, ячеистость (острововидность) характерна и для материковой части Пелопоннеса. Вся она состоит из небольших долин, отделенных друг от друга невысокими горами. В каждой такой долине или бухте формировался город-полис со своим диалектом, традициями, героями, денежной единицей и т. д. С одной стороны, природа как бы обособила полисы друг от друга. С другой стороны, непреодолимых природных преград между ними не было. Очевидно, окружающий ландшафт повлиял на мировосприятие и, прежде всего, на пространственные представления древних греков. Яркие краски субтропических широт, относительно мягкий климат, упорядоченный и соразмерный человеку природный ландшафт (невысокие горы, покрытые кустарниковым лесом, острова на расстоянии видимости, удобные бухты, небольшие долины) — все это объясняет пытливый, бесстрашный, взвешенный взгляд древних греков на мир.

С первых шагов в истории человек использовал природное пространство и для расширения своего ареала обитания, и как основу расширения своих пространственных представлений, и как матрицу формирования социального пространства. Первоначально люди могли выжить только благодаря умению ориентироваться на определенной жизнеобеспечивающей территории. Необходимость постоянной борьбы за выживание стимулировала систематическое наблюдение за окружающей природой, прежде всего, за животными: лесные тропы животных были первыми охотничьими тропами древнейших охотников, водопой были местами поселения, места нереста рыб были первыми заповедными местами со строгими правилами поведения.

В период охоты и собирательства человек стал более планомерно привязывать свою жизнь к миграционным путям млекопи-

тающих, к сезонному присутствию рыбы и моллюсков в реке или море, к созреванию определенных фруктов и овощей в разное время года и в разных местах. Годовой порядок жизни формировался в соответствии с этими основными событиями, и охотники-собиратели в заданном порядке переходили с одних территорий на другие. Следовательно, человек должен был иметь хотя бы примерный «план» последовательности этих событий и хотя бы воображаемую «карту» достаточно обширных территорий. Наличие такого плана и карты обеспечивало нормальное взаимодействие древнего человека с экологической нишей.

Поэтому обратим внимание на следующий момент. Безусловно, этот период характеризуется кочевым образом жизни, на чем традиционно делается акцент. Но это отнюдь не значит, что люди бродили по случайным местам. В переселениях родоплеменных этносов с эпохи палеолита есть четкая закономерность и целесообразность. Это, прежде всего, поиск экологической ниши, обеспечивающей выживаемость и воспроизводство этноса. Если природно-географическое пространство становится экологической нишей, параллельно процессу ее освоения идет формирование представлений о ней как особом для человека пространстве. Оно осознается как свое, метится, появляются первые границы и первые войны из-за нарушения границ. Осваивается экосберегающее поведение по отношению к своей территории.

Человек эту природно-географическую территорию «достраивает» своим человеческим пространством, т. е. «очеловечивает» его. Освоение природно-географической среды стимулирует формирование идеального образа, через который затем идет осмысление природного и социального пространства. С выделением священных мест и мифологическим наполнением представлений об этом священном пространстве (очаг, священная роща, священный камень) можно говорить о социальной организованности места обитания. Эти представления составляют основу любой этнической картины мира.

Пространство родоплеменного этноса не может не корректироваться с пространством его природной ниши, с ее архитектурой. Порядок природы (материнской среды) «берется» как образец конструирования внутривидового порядка. Поэтому первоначально особенности социальной структуры своей общины человек также непосредственно связывал с определенной местностью. Значимость территории расселения получила свое отражение в первобытной мифологии. Связь с материнской природной средой трансформировалась общественным сознанием в мифы и религии-

озные верования через очеловечивание законов природы и законов адаптации к ней.

Осваивая природное пространство, человек стал приспособлять природные объекты под свои нужды. Создание жилищ — следующий шаг по освоению и моделированию пространства. Использование пещеры как жилища превращает ее в социальное пространство, более того, в центр этого пространства, т. к. здесь находится очаг с огнем. Это место становится священным, пространственной точкой, в которой концентрируется все пространство рода. Пространство рода — это сумма подобных пространств, помечающих «кормящую» территорию. Эти точки почитаемы и священны для членов рода и запретны для чужаков.

В человеческом восприятии природный ландшафт неминуемо наделяется символическими значениями. Формируются представления о «своем» и «чужом» пространстве, «человеческом» и «сакральном». Через традиции, религиозные представления, мифы, обряды, фольклор закрепляются представления о взаимодействии этих различных пространственных сфер. Природно-географическое пространство, ставшее определенному человеческому сообществу экологической нишей, обеспечивающей проживание и воспроизводство, обязательно наделяется свойствами «кормилицы», «матери», «берегини», т. е. «родины». Чужие природные ландшафты воспринимаются как «чужбина», как что-то опасное и непредсказуемое. То есть природные пространства могут вызывать чувство симпатии или антипатии, очаровывать или разочаровывать, «пугать» или «защищать».

Поэтому рядом с точными, проверенными производственным опытом знаниями о тропах диких животных, о дорогах, идущих от деревни к деревне, о соседних племенах, складывались мифологические представления о пространстве как особой сущности. В сознании людей архаического общества пространство (как и время) выступает не как нейтральное понятие, а как могущественная, таинственная сила, управляющая всеми вещами, жизнью людей и даже богов. Представления о пространстве-времени были «эмоционально-ценностно насыщены: время, как и пространство, может быть добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и опасным и враждебным для других» [6]. В целом мифологические представления о пространстве и времени были важнейшей составной частью космогонической картины мира разных народов.

Мифы разных народов отражают пространственно-временные модели бытия как инвариант объективных отношений и связей в

мире. Поэтому у разных народов в космологии наблюдается масса аналогий, сходных сюжетов и образов. Мифология содержит в себе, как отметил М. Лифшиц, «разум мира», в котором отражается всеобщий смысл истории, вплетенной в ткань бесконечной природы.

Этнографические и культурно-антропологические исследования показывают, что для большинства независимо развивающихся народов код двойных противопоставлений служит способом описания реальности. Пары левый-правый, мужской-женский, земной-небесный и другие образуют категориальную сетку описания реальности.

В глобальном масштабе данные противопоставления реализуются в форме противопоставлений Космос-Хаос. Весь мир земной, чувственный, телесный воспринимался через борьбу Космоса и Хаоса. Космос — это порядок, образ, форма, тело. Хаос — это бестелесность, бесформенность, безобразность. По определению Мирчи Элиаде [7], мифический дракон, восстающий против Космоса и стремящийся разрушить его, воплощает в себе образ не только морского чудовища, первого змея, но и бескрайних космических вод, мира теней, мрака и смертей. Отсюда столь важное значение, придаваемое форме, телу, порядку. Все негативные силы, явления, существа, даже человеческие эмоции (ярость, тоска, гнев) так или иначе связаны с Хаосом, выходят из него, являются его порождением. У них либо отсутствует свое тело, и тогда они принимают форму других существ (оборотни), либо они наделены незавершенной, ущербной формой.

Языческая Русь так же, как и другие народы, разделяла эти верования. «Добрые» и «злые» пространства — это часть мифологической картины мира, где все взаимосвязано. В эту картину вписан и человек, как часть Космоса, его голографическое изображение. Еще в индоевропейской космологии существовал миф о сотворении мира из тела первого человека Пуруши. Оно покрывает Землю со всех сторон, четверть его послужила материалом для всех живых существ, три четверти — для бессмертного неба. Пуруша — тысячеглав, тысячеглаз, тысяченог. Он воплощает в себе закон «всеединства» мира: он един, и в то же время он множественен, он расчленяется на миллионы частиц, равных по своей сути. В древнерусской «Голубиной книге» говорится об Адаме как первочеловеке, из тела которого были созданы все сословия: от головы — цари, от «мошей» — князья и бояре, от «колена» — крестьяне. Тело Адама становится осью мироздания,

так как из его головы растет мировое дерево, связующее небо, землю и преисподнюю [8].

Поэтому главная ценность, условие благополучной жизни — сохранность имени, замкнутость пространства, целостность телесной формы. Утрата целостности равна смерти, перерождению, переходу в иной мир, раздвоению. Любая физическая неполноценность воспринималась как признак связи с бесформенным хаосом потустороннего мира. Отсюда в Древней Руси страх перед числом два, раздвоением тела. Считалось, что двойничество признак нечистой силы, что сохранилось до сегодняшнего дня в выражении «черта с два». Черта можно было убить только одним ударом, а не двумя, второй его оживлял. Нельзя было детям давать одинаковые имена, внуку имя живущего деда. Повторение расценивалось как присвоение чужого тела.

Пространство требовало замкнутости, завершенности, идеальной фигурой считался круг (коло-хоро — круг «молодого» солнца, отсюда ритуальная значимость хоровода). Поэтому особое отношение к границе. Она должна была иметь как можно меньше разрывов. Только тогда конкретное пространство — «законная» часть всеединого космического тела. Оно могло видоизменяться в зависимости от наличия или отсутствия границ. Особое значение имели реки и вода в целом, так как воды протекали по всему космическому телу, по «этому» и «тому» свету.

Хаотичность жизни преодолевалась формой, которая делала частицу мирового тела самостоятельной и живой единицей бытия. Мировое древо («древо жизни») придавало форму и объединяло разные сферы мирового пространства: небесный мир (Правь), земной мир (Явь) и преисподнюю (Навь). Оно росло в центре мира, из «пуповины морской», на «острове Буяне, на камне Алатырь» [9]. В русских загадках оно несет организацию не только пространству, но и времени. Например: «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда...».

Граница в космогонии восточных славян обозначала стык мира живого и мертвого, чистого и нечистого, плохого и хорошего. Все отверстия в теле человека, в доме и около него (печь, колодец, окно, дверь) могли впустить нечистую силу. Свои границы следовало защищать, укреплять против нечистой силы. Отсюда страх и особо тщательное выполнение ритуалов на пограничных пространствах (перекресток дорог, порог дома, межа, кладбище, край леса и т. п.).

Дом — это особое, закрытое, безопасное пространство. От закладки фундамента до вселения он «строился» на охранитель-

ных ритуалах, гаданиях, жертвоприношениях, обрядах. Отверстия дома, порог, окна охранялись с помощью оберегов, замков, ритуальных запретов. Нельзя было садиться и вставать на порог, здороваться через него, новобрачной воспрещалось касаться его (поэтому жених вносил ее в дом) и т. д.

Охранителем границ дома и родовой земли было древнейшее божество Щур (Чур). Щур связан с земным миром, он освящал и защищал право собственности (чур — мое!), оседлость человека на земле, принцип справедливости: «чур — пополам!», «чур — вместе!». Щур олицетворял дух предков (пращуров). Земля, в которой покоились предки рода, считалась священной, неприкосновенной. По поверьям восточных славян, души тех, кто не уважает святости границ, передвигает межевые камни (столбы), хозяйничает на земле чужих предков, подвергается проклятию.

Отверстия тела человека так же должны были охраняться. Языческий поцелуй был заветной «печатью» (само слово происходило от корня «цел»), «целовать» — означало желать телу целостности. Повальное целование русских на свадьбах, поминках, при приеме гостей очень удивляло иностранцев, посетивших Россию в XVI — XVII вв. Сила поцелуя могла быть направлена не только на человека, но и на все остальные части макрокосмического тела. Например, целование земли считалось у древних славян самой страшной клятвой, нарушение которой могло повлечь смерть преступившего ее.

В «Слове об идолах» (XII в.) отмечается, что, прежде всего, славяне «клали требы упырям и берегиням», то есть приносили жертвы злым и добрым духам. Каждое мыслимое пространство было сферой господства определенной иерархии богов и духов. Регуляция взаимоотношений с ними позволяла человеку мысленно охватить все пространство и «вписать» в пространственно-временную структуру мира человеческое пространство. Приношение жертв — это самые ранние, ритуальные формы религиозных верований. Принося жертвы, произнося нужные слова в определенном («священном») месте, человек заключал сделку с богами, прося их о помощи. Тем самым он как бы проводил четкие границы между «своим» и «чужим», чистым и нечистым пространством. Эти ритуалы, сохраняемые веками, остались наиболее органичным проявлением понимания и отношения славян к структуре мирового пространства.

Как мы видим, с переходом к аграрной культуре представления о пространстве связываются с конкретной территорией. С зарождением стационарных поселков, городов, древнейших го-

сударств связана новая ступень в осмыслении пространственно-временного континуума человека и общества [3]. В древнейших земледельческих цивилизациях, основой жизни которых были грандиозные инженерно-технические системы искусственного орошения, представления о пространстве геометризуются, что получило отражение в особой роли астрономии, математики, геометрии. Человек как бы «отрывается» от природного пространства и начинает активно конструировать социокультурное пространство, что материально выражается в создании искусственного, архитектурно-технического пространства, создаваемого под определенные потребности человека и общества.

С началом процесса урбанизации города становятся узловыми точками напряжения социального пространства, конструирующими его каркас. В мышлении земледельца город являлся центром организации мирового пространства, точкой отсчета земных расстояний и моделью космоса. Образ города проецируется на весь мир. Древние египтяне представляли землю в виде совершенно плоского правильного прямоугольника, по краям которого располагались горы, поддерживавшие «железный небесный свод». В планировке городов воспроизводилась сама форма земли, а их границы ориентировались точно по сторонам света.

Пирамиды, зиккураты, древнемексиканские теокалли, буддийские ступы, храмы и дворцы — это нечто большее, чем монументальные здания. Это точки максимальной концентрации сакрализованных представлений о пространственно-временной системе координат мира. Это особого рода текст, языком организации материально-пространственной среды кодирующий коллективные представления о космическом порядке. Каждое строение, каждый его элемент (башни, ступени, окна) выполняли не только функцию жилья или храма, но, прежде всего, обсерватории, календаря, кода мира в пространственно-архитектурных моделях. Это были точки взаимодействия земного и сакрального пространства.

Архитектурно-технический подход к социальному пространству позволил реализовать одну из основных и исходных целей жизнедеятельности человека — защищенность от внешних воздействий. Первоначально именно стены жилища или городской стены выполняли эту функцию защиты. Поэтому завоеватели, стремясь уничтожить народ, сметали с лица земли все поселения и постройки. Так, римлянами был полностью разрушен Карфаген, а его место распахано. Золотоордынцы на Руси по нескольку раз сжигали древнерусские города. Например, Козельск был вы-

жжен семь раз, Рязань — пять раз и т. д. Но ведь подобные акции направлены не против архитектурно-городской среды, а использовались как средства борьбы с неприятелем. Их целью было уничтожение условий жизнедеятельности людей, центров социокультурного развития народа, разрушение символов их независимости. Поэтому русские города снова и снова возводились на пепелищах. Из 30 древнерусских городов, выжженных дотла, 17 не раз восстанавливались заново и существуют до сегодняшнего дня.

В истории прослеживается и обратная тенденция. Забота о возрождении национального духа диктовала, прежде всего, строительство городов, создание специальных архитектурных ансамблей, монументальных памятников и т. д. Афиняне, например, несмотря на разрушительные последствия греко-персидских войн, первое, что сделали после победы, начали строительство грандиозного архитектурного ансамбля — афинского Акрополя. Александр Македонский повелевает восстановить Стагиры — родной город своего наставника и воспитателя — Аристотеля. Архитектура становится государственным делом, частью идеологии государства, символом его единства, силы, независимости. Один из первых византийских императоров Юстиниан в целях укрепления духа народа возводит архитектуру в ранг государственного дела и первого искусства государства.

Предметом отдельного исследования может стать проблема отражения общественного сознания в архитектурных формах. Архитектура — это концентрированное выражение главных идей определенной исторической эпохи. Ярким примером выражения политических доминант, языком архитектуры стало воссоздание Московского Кремля в конце XV—начале XVI в. Новый Кремль с краснокирпичными стенами протяженностью более чем в 2 км и 18 башнями, с бойницами и боевыми ходами представлял собой не только грозную и самую современную по тем временам крепость, не только прекрасный архитектурный ансамбль, вписанный в прихотливый ландшафт Москвы, но и точное отражение главной идеи эпохи — единства России под началом Москвы. Считая себя прямыми наследниками владимирских князей, московские государи всячески подчеркивали эту связь. Так, приглашенному из Болоньи архитектору Аристотелю Фиораванти было велено строить Успенский собор Московского Кремля по образцу Успенского храма во Владимире, возведенного в XII в. по приказу Андрея Боголюбского. Московский Успенский собор действительно сохранил многое от владимирской архитектуры: белока-

менный храм имеет вытянутый план, пятиглавое завершение, аркатурно-колончатый пояс по фасаду, перспективные порталы, щелевидные окна и т. д. Московский Кремль стал официальным образцом для многих крепостей России (в Новгороде, Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и т. д.), а его храмы — для культовых сооружений по территории всей Руси. Стремление придать градостроительству общерусские тенденции также является олицетворением идеи политического единства и силы Москвы.

Наверное, самым уникальным памятником идеологии объединения России стал Покровский собор на Красной площади, который в народе «окрестили» храмом Василия Блаженного. Прежде всего отметим, что Иван Грозный ознаменовал строительством храма победу над Казанским ханством в 1552 г., тем самым положив начало традиции знаменовать очередную победу и приращение территории России возведением грандиозных архитектурных сооружений. Поэтому иностранцы замечали, что храм построен, скорее, для «украшения, чем для моления». В то же время сама эта церковь по архитектурному замыслу является олицетворением единой, централизованной, сильной России. Впервые ансамбль храма идейно объединял девять церквей в честь разных святых, почитаемых в разных землях Руси, а архитектурно — девять объемов. Центральный, увенчанный шатром, посвящен празднику Покрова Богородицы, а восемь остальных храмов-столпов расположены вокруг этой главной церкви по осям и диагоналям.

Следовательно, наряду с влиянием материальных процессов на свойства социального пространства можно поставить вопрос о его идеальных компонентах, более того, проблема пространства тесно связана с системой ценностей человека, поскольку система предпочтений в мировосприятии личности существенно влияет на пространство его жизни. Особенности культурно-исторического развития, традиции, обычаи, предрассудки — все это влияет на пространственные представления людей. Пространство существует независимо от того, имеем мы представления о нем или нет. Но для человека представления о пространстве — важнейшее условие его существования в мире. Эти представления обусловлены особенностями восприятия самого человека, поэтому именно с ними приходится соизмерять свои поступки, надежды и планы.

Таким образом, первичные представления человека о пространстве есть уже представления о социальном пространстве, поскольку человек, включая в процесс осмысления даже «дикие»,

неосвоенные природные территории, делает это с целью реализовать свои потребности и планы. Но природно-географическая среда имеет свою энергетику, она является основой расширения среды обитания человека, матрицей его представлений о социальном пространстве.

Пространственные представления определенного человеческого сообщества имеют специфическую окраску и зависят от конкретной природно-географической среды и уровня ее освоения человеком. Постепенно эти представления как бы расслаиваются на две взаимосвязанные сферы: социальное и мифологическое пространство, и если второе «рождается» из первого, то впоследствии мифологическое определяет структурирование социального. Первоначальные представления о мире связаны с мифологическим сознанием, где пространство выполняет организующую, связующую роль, роль посредника между сакральным и реальным пространством.

Получается, что социальные отношения как бы «вырастают» из кровно-родственных отношений. Можно сказать, что пространство рода представляет собой переходную ступень между пространством популяции и пространством социума, поскольку пространство популяции не может как «по волшебству» превращаться в социальное пространство. На ранних этапах социогенеза система социальных отношений настолько хрупка, что без природных механизмов, «бессознательной связи, существующей благодаря кровному родству» (Гегель) не может обойтись. Социальное пространство, выйдя из природного, расслаивается на пространство практической деятельности и умозрительное пространство. С выделением интеллектуальной сферы деятельности человека последнее становится основой рационального осмысления действительности, прежде всего, пространственно-временного континуума существования человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мастера архитектуры об архитектуре*. М.: Искусство, 1972. С. 529.
2. См.: *Страны. Народы. Цивилизации*. Т.13. М.: Издательский центр «Аванта+», 2000. (Энциклопедия для детей). С. 8 —50.
3. См.: *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука, 1990. С.33; *Степанов Ю.* Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2001. С. 151—181.
4. См.: *Кондаков И. В.* Культура России. Ч. 1. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 50.
5. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. С. 14—15.

6. Назарова М. П. Социальная память как предмет философского анализа. Дис. ... канд. филос. наук. Волгоград. 1997. С. 87.
7. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.; Он же. Космос и история. М.: Прогресс. 1987. 260 с.
8. Черная Л. Телесная душа язычества / Мир истории. 2001. № 6. С. 24—25.
9. Мифы древних славян. Саратов. Надежда. 1993. 320 с.

РОССИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Н. КИЦЕНКО

Кафедра истории и культурологии

Кто мы — представители различных культур, сплоченные авторитарным русским унитаризмом, или «россияне», ощущающие себя единым этносоциальным организмом? Ныне российское общество, и государство в особенности (представляется уместным развести эти понятия), столкнулись с проблемой поиска новой национальной идеи, которая могла бы объединить конгломерат этнических субъектов на основе новых демократических принципов. Сделать это необходимо, в противном случае мы столкнемся с угрозой дестабилизации политической, экономической и культурной. Контрапунктами данной проблемы являются такие понятия, как «цивилизация» и «культура», «национализм» и «этничность». Особое внимание обращают на себя последние как своеобразные, уникальные формы существования человеческого общества.

В ходе исторической эволюции человек создает разные коллективы с целью обеспечить свое биологическое и социальное существование. Основная черта этих коллективов — их огромное многообразие и постоянно меняющийся характер. Это обусловлено различными факторами: средой и ресурсами, технологическим развитием, культурной деятельностью и даже физиологией и психологией человека. «Наука об обществе и бытовое сознание как две взаимосвязанные формы мыслительной деятельности постоянно стремятся найти определенные объяснения этим социальным формам, в том числе и через понятия-дефиниции как некоторые договорные словесные модели» [1]. Эти модели призваны адекватно отражать действительность и обеспечивать возможность диалога между учеными, политиками и рядовыми гражданами.

Проблема цивилизационного развития России в дискурсе различных этнонациональных процессов поднималась не один раз. Однако акцентирование внимания на этом вопросе дополнительно видится вполне целесообразным. Российская цивилизация с момента своего возникновения вобрала в себя огромное этническое, религиозное и культурное многообразие народов. Нормативно-ценностное пространство бытия первоначально неспособно было к самопроизвольному сращиванию, к синтезу в универсальной для евразийского ареала единстве. Православие было духовной основой русской культуры, оно оказалось одним из факторов становления российской цивилизации, но не ее ценностным основанием. Таким основанием, доминантной формой первоначальной социальной интеграции стала государственность. Более того, государство в России постоянно стремилось к трансформации национально-исторического сознания и этнокультурных архетипов, пытаясь создать соответствующие структуры, легитимизирующие деятельность центральной власти. Государства имеют больше ресурсов и прав называться «нациями», поскольку только они имеют право фиксировать свое членство через гражданство, имеют охраняемые территориальные границы, располагают обширным бюрократическим аппаратом, образовательными и информационными институтами и т. д. Наряду с гимном и гербом «нация» служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения по отношению к государству. Общая идентичность, которая достигается через понятие «нация», не менее важна для государства, чем конституция и границы. Ибо этот общий дискурс о «нации» придает важную дополнительную легитимность государственной власти через представления о том, что власть есть некая целостность и осуществляет управление от имени и с согласия этой целостности. Поэтому каждое государство прилагает усилия для утверждения разделяемого всеми чувства принадлежности к государству не только через оформление правовой связи и обязательств, но и через эмоциональную лояльность или привязанность. Сегодня почти нет государств, которые не пользовались бы этим инструментом и не считали бы себя государствами-нациями. В связи с этим фактом можно говорить о степени успеха того или иного государства в осуществлении процедуры утверждения понятия единой нации среди своих граждан. В конечном итоге, речь здесь идет об идеальной смысловой конструкции, а не о реальной этнокультурной, социальной и территориальной гомогенности и ос-

нованной на этом типологии государств. В некоторых государствах существует огромное расовое, этническое и религиозное разнообразие или же сильные региональные различия без интенсивных взаимных связей, однако довольно успешно функционирует на элитном и даже на массовом уровне миф о единой нации. Государства больше различаются не степенью культурного многообразия, а тем, в какой мере этим различиям придается самодовлеющее значение. «В некоторых обществах мы не замечаем этого разнообразия и считаем их гомогенными, в то время как в других это может проявляться в самых болезненных формах. Это происходит не потому, что в одном обществе среди его членов имеется меньше культурно отличительных характеристик, чем в другом обществе, а потому, что то же самое, разнообразие воспринимается по-разному. Не каждое общество придает этничности и этническому разнообразию культурное значение, и не каждое общество рассматривает эти характеристики как суть основополагающей идентичности своих членов» [2]. Проведенная по советскому стандарту перепись населения в Китае в 1950-х гг., показала наличие около 400 «национальностей». В последующем национальная политика привела к тому, что число меньшинств сократилось до 30, при общей численности от 50 до 100 млн человек. Для внешнего мира Китай — «национальное государство», в котором живут «китайцы». Сами же граждане КНР считают, что десятилетия культивирования понятия «нация» и введение общегосударственного языка «путунхуа» объединяют их в единое целое.

Опираясь на вышеизложенное, сейчас можно с достаточной уверенностью говорить о «России», как о сложившейся геополитической реальности. Но будет ли правомочным упоминать о «россиянах», как о сформировавшейся нации?

В последние два десятилетия этничность становится одной из существенных переменных современного общества, что контрастирует с теоретическими представлениями о современности, описываемыми в универсалистских, глобалистских теориях. Это заставило ученых по-новому переосмыслить как природу этничности, так и характерологические признаки современности. «Этническое возрождение» вызвало невиданный со времен распада колониальной системы рост этнического самосознания, который сопровождается ростом культурного плюрализма, а также различными вариантами этнонационалистических движений.

Почему в то время, когда по всем прогнозам этничность должна была к концу века тихо умереть, политика, основанная на

экспансии этнического самосознания, возродилась во всемирном масштабе? Может быть, это совершенно новый социальный феномен? Ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся реально сложившейся в мире этнической ситуации, привели к существенному пересмотру имевшихся теоретических представлений о природе этнического. В социальных науках (этнологии, социальной антропологии, культурологии, социологии) сформировались три основных теоретических направления в понимании этнического: примордиализм, инструментализм и конструктивизм, которые по-разному понимают и оценивают происходящее в этнической сфере.

Так, согласно примордиалистскому пониманию этничности (понимаемому в самом широком значении как обращение к «корням»), «имеется некая исконность и естественность как этнической принадлежности, так и этнообразующих признаков, маркирующих границы этнического, понимаемая на бытовом уровне как трансляция в поколениях представления о себе как об исключительной, инаковой группе в сравнении с соседними народами» [3, с. 147]. Этнофоры исключают из рефлексии проблему условности «объективных» признаков и случайности их обретения. Представления базируются на естественной уникальности и историко-культурной неповторимости собственной группы. И поэтому можно согласиться с утверждением А. В. Качкина о том, что «возникает интергрупповая реальность (т. к. другие этнические группы также признают эту данность, что и оказывается основой феномена соседства, подразумевающего невмешательство в другие символические пространства)» [3, с. 147].

Анализ попыток федерального центра выстроить достаточно ясную национальную политику, стержнем которой является идея существования сплоченного сообщества, самоосознающего себя россиянами, упирается в модель, предложенную конструктивистами. Это своеобразный механизм этнизации социального пространства. В основе этой модели лежит принятая в феноменологической парадигме конструктивистская концепция этничности. Под «этносом» понимается устойчивая, реально существующая или существовавшая в прошлом группа, обладающая набором этнодифференцирующих признаков или маркеров, что позволяет создавать ей собственное символическое пространство, в рамках которого участники этой группы проявляют свою этничность, то есть обладают этническим самоопределением. Важным является то, что этнические общности представляют собой символические

социальные конструкции, обладающие собственной границей. Внутри этой конструкции существует разделяемое ее членами представление о принадлежности к общности по ряду узнаваемых признаков, то есть этническая идентичность, обеспечивающая групповую солидарность. Такое конструирование осуществляется благодаря целенаправленной деятельности людей и соответствующих социальных институтов. Кажется справедливым, что «символические границы, в которых преобладает этническая идентичность, устанавливаются произвольно, путем актуализации случайного, но существенно значимого для представителей группы в данный момент и в данной ситуации набора этнодифференцирующих маркеров» [3, с. 141]. В условиях стабильного межэтнического взаимодействия эти границы признаются другими общностями.

Если конструктивистский и примордиалистский подходы не ставят под сомнение возможности воплощения идеи нации в реальности, то инструменталистский подход расценивает нацию, как следует уже из его определения, лишь как инструмент в борьбе определенных сил, прежде всего, политических. В инструменталистской интерпретации «нация» — это идея, которую используют различные группы в своих собственных интересах. Символы идентичности группы служат представителям элит в их политической и экономической борьбе. Инструменталисты используют в своей теории постулат Геллнера о борьбе этнических групп за власть, но идут дальше, оценивая национальное движение и национальную идею как инструмент мобилизации масс. Именно процесс мобилизации масс элитами вокруг культурных символов и составляет идентичность, которую они называют даже не национальной, а этнической. Отсюда не случаен вывод о том, что «этническая идентичность создается исключительно искусственным путем, при этом ее содержание может меняться, так как стратегия элит может меняться в зависимости от обстоятельств» [4].

Итак, актуальнейшим вопросом политической жизни является очевидное противоречие между изначальной данностью этнических групп, историческим распределением социальных ролей и относительностью национальной принадлежности. Скорейшее разрешение данных противоречий на теоретическом уровне в незначительной степени будет способствовать определению содержания дефиниции «россияне» в научном и политическом дискурсе. И означенный феномен, как представляется, будет способствовать возрождению страны уже в новом качестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тишков В. А.* О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 5.
2. *Greenfeld L.* Ethnically based conflicts: their history and dynamics // Paper presented to international seminar on Ethnic Diversity and Public Policies. N.-Y., 1994. P. 7.
3. *Качкин А. В.* Этническая мобилизация и процесс регионализации // Мир России. 2000. № 4. С. 141, 147.
4. *Кошман А. Л.* Подходы к изучению национальной идеи в современной западной социологии // Вестник Московского университета. (Серия № 18, социология и политология.). 2002. № 3. С. 156.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

КАДЕН А. Г., ЗАХАРОВ А. В.
Кафедра истории и культурологии

В данной статье рассматриваются, прежде всего, методологические подходы к вопросам исторического развития этносов, населявших и населяющих территорию нашей страны. В качестве объекта исследования выделены известные у нас переведенные на русский язык работы А. Тойнби, Дж. Хоскинга, Р. Пайпса.

Естественно, что из этого ряда выделяются, в первую очередь, работы А. Тойнби, основателя локально-цивилизационного подхода к истории. Сразу же оговоримся: история России не является для Тойнби предметом особого анализа, это лишь иллюстрация так называемой «цивилизации-сателлита».

Взгляды Тойнби на историю России можно свести к следующим основным положениям:

1. Российская цивилизация не является уникальной цивилизацией, ее культура — продукт смешения примитивного славянского компонента, более прогрессивного, но также далеко не самого передового скандинавского и главного, являющегося наиболее значимым — византийского.

2. Одна из основных черт российской цивилизации по Тойнби — сопротивление западному, т. е. католическому влиянию, выразившееся в стремлении создать независимую от Запада государственную и идеологическую систему.

3. С восприятием византийской идеологии универсального государства во все сферы жизни Московской Руси и России проник тоталитаризм.

4. Тоталитарное устройство российского государства, подавлявшего всякую частную инициативу, стало причиной постоянного отставания в развитии технологической сферы России от Запада.

5. Пытаясь не попасть в число безнадежно отставших стран, российские правители, начиная с Петра I, проводили ограниченные реформы российской государственной машины и экономики страны. Однако ни один из реформаторов не решился полностью отказаться от концепции универсального государства, выразившейся в формуле «Россия — Третий Рим». Ограниченность реформаторской политики российских монархов стала причиной позорных для страны военных поражений в войнах второй половины XIX — начала XX в. и обернулась катастрофой в Первой мировой войне.

7. Несмотря на западное происхождение марксистской идеологии, на русской почве она приобрела исконно русские тоталитарные черты, что не позволяло надеяться на победу в установлении ойкуменической цивилизации будущего.

8. Этноссы, находившиеся на одной цивилизационной ступени с русским народом (находившиеся в составе СССР украинцы, грузины, народы Прибалтики, а также восточно-европейские народы: венгры, поляки, чехи и т. д.) всеми силами пытались сопротивляться установлению над ними политической гегемонии России и их направлению на альтернативный либерально-демократический, социалистический путь развития. Этноссы, находившиеся на более низких цивилизационных ступенях, наоборот, пытались путем приобщения к российской цивилизации получить доступ к самым передовым технологиям и знаниям современного мира.

Тойнби писал, что «сопротивлялись русификации те народы, которые чувствовали себя продвинутыми в цивилизации не менее русских. Именно поэтому они и не желали принимать цивилизацию в русской версии. Если они были готовы принять современную им версию западной цивилизации, то хотели принять ее из западного первоисточника» [1].

Таким образом, очевидно, что, согласно концепции английского ученого, для этносов, стоящих на раннем этапе индустриализации, либеральные ценности и капиталистическая модель выглядят однозначно предпочтительнее, нежели альтернативная ей социалистическая.

В то же время исследователь выделяет другую группу народов, населяющих Кавказ, Сибирь, Среднюю Азию и Дальний Восток,

для которых русификация, выраженная в форме восприятия социалистических ценностей и вхождения в Советское государство, является единственно доступным средством вестернизации и приобщения к культурным ценностям «ойкуменического мира»*.

Джеффри Хоскинг — один из видных английских советологов приобрел известность публикациями работ по русской истории России, охватывающих период с середины XVI до конца XX в.

Английский славист посвящает свой труд «Россия: народ и империя», вышедший в 1996 г., истории русского народа и Российской империи на протяжении четырех веков ее существования. В создании подобного научного исследования его автор видит насущную потребность заполнения пробела, возникшего в западной историографии, уделяющей чрезмерное внимание этнической истории нерусских народов царской России.

Хоскинг видит основную проблему России в том, что русские, составляющие титульное население империи, направляли свои силы вместо строительства национального государства на поддержание и укрепление многонациональной авторитарной империи. В отличие от народов Западной и Центральной Европы, которые начиная с XVII в. встали на путь формирования национальных государств, базирующихся на основе некоей одной этнической общности, Россия продолжала бесконтрольно поглощать все новые и новые территории. «Основное положение данной книги заключается в выводе, что строительство государства в России мешало строительству нации. Усилия, уходившие на сбор налогов и создание армии для нужд империи, требовали подчинения практически всего населения, особенно русских, интересам государства и, таким образом, затрудняли создание общественных ассоциаций, представляющих основу для национального самосознания в гражданском смысле. Как заметил русский историк XIX в. В. Ключевский: «Государство пухло, а народ хирел» [2, с. 10].

Хоскинг указывает на то, что в царской России строительство нации происходило как в результате политики элиты общества, к которой относились императорский двор, армия и бюрократический аппарат, так и вследствие демократического стихийного творчества русского народа, большинство которого входило в крестьянские общины. По причине недостаточной образованности и

* Среди прочих этносов, относящихся к этой группе, Тойнби упоминает и население Внешней Монголии (МНР), которая не входила в состав СССР. Примечателен тот факт, что в статье, посвященной советскому колониализму, автор энциклопедии «Британника» называет МНР колонией Советского Союза. (См. «Британника». Vol. XVIII. P. 758—759).

полной неорганизованности народные массы были не в состоянии стать лидером строительства нации, и их место заняла интеллигенция, пытавшаяся примирить высокую культуру, и частично имперскую идеологию, с устремлениями большинства населения страны.

Попытка интеллигенции создать общество, совмещающее идеологию империи и народные идеалы, согласно мнению Хоскинга, потерпела крах во время революции 1917 г. и Гражданской войны. Английский славист критикует основные положения западной историографии, заикнувшись о сущности таких явлений, как «самодержавие» и «отсталость», понимание которых якобы является ключом к раскрытию смысла процессов, приведших царскую Россию к ее гибели. «На мой взгляд, самодержавие и отсталость были симптомами, а не причинами: и то и другое возникло под влиянием методов строительства и сохранения империи, препятствовавших формированию нации» [2, с. 13].

Хотя и не ссылаясь на своего предшественника Арнольда Тойнби, Хоскинг полностью принимает его концепцию преемственности Московской Русью тоталитарной теории и практики византийской империи.

Рассматривая проблему колонизации как инструмент строительства империи, Хоскинг выделяет одиннадцать регионов, в которых применялись различные методы колонизации. По некоторым основаниям можно сгруппировать эти регионы.

К первой группе относятся область Волжско-Камского бассейна, Сибирь и степи востока и юга. Общими чертами этих регионов являются уровень развития населения, которое вело, преимущественно, кочевой или полукочевой образ жизни, отсутствие централизованной власти, состояние перманентной войны между различными племенными союзами. Политика российских властей по отношению к народам, исповедовавшим ислам либо языческие культы, отличалась. Как правило, татарских князей интегрировали в структуру российского дворянства, вождей язычников, напротив, не допускали к высокому статусу дворянина, поскольку их образ жизни казался слишком чуждым православной элите. Хоскинг отмечает, что национальное и религиозное подчинение покоренных народов нередко отступало на второй план перед экономическими интересами империи. «...Туземные народы были защищены от крепостного рабства: им гарантировался статус «ясачных людей», то есть данников, чья собственность и образ жизни сохранялись нетронутыми при условии исполнения ими повинностей. Вряд ли можно отыскать более яркой пример того,

как потребности империи (в данном случае — получение налогов и мирная ассимиляция) отодвигают на задний план и религиозные, и национальные соображения, несмотря на то, что именно на них основывались имперские притязания Московии» [2, с. 23]. Как в Поволжье, так и в Сибири, периоды мирного сосуществования победителей и побежденных сменялись компаниями властей, требовавших обращения нерусского населения в православие (очередная подобная кампания закончилась восстанием Пугачева).

Другая ситуация сложилась на Кавказе. Колонизация Северного Кавказа, населенного многочисленными карликовыми этносами, началась значительно позже колонизации Волжско-Камского бассейна и Сибири. Проникновение России на Кавказ началось с включения в ее состав Закавказья. Грузины и армяне видели в России своего естественного союзника в борьбе против Турции.

Отношения между Россией и Украиной не укладываются в схемы, приведенные выше, в которых мы рассматривали колонизацию империей этносов, значительно отличившихся по своей культуре от русских. Украинцы в своем большинстве, так же, как и титульное население Московской Руси, исповедовали православие. Киев был столицей древнерусского государства, период существования которого никогда не исчезал из исторической памяти двух народов. Однако несмотря на наличие серьезных факторов, способствовавших сближению двух славянских этносов, следует отметить, что католическая культура проникала в высшие слои украинской знати, в форме униатства. Учитывая все вышеуказанные особенности положения Украины, не вызывает удивления тот факт, что процесс ее интеграции в Российскую империю занял более ста лет (если взять отправной датой подписание Переяславльского договора, а конечным этапом считать упразднение гетманства и введение губерний в 1780 г.). И, вопреки всем очевидным выгодам, которые получили, в первую очередь, высшие слои украинского общества (закрепощение крестьян и доступ к административной карьере в российском госаппарате), процесс утраты Украиной своего национального своеобразия был более сложным по сравнению с аналогичными процессами в других регионах. В период с конца XVIII по конец XIX в. сельская элита Украины стала во всех отношениях русской, тогда как большие города явно несли черты космополитизма: русские, евреи, поляки, немцы, греки и другие народы жили бок о бок. Крестьяне говорили на разнообразных украинских диалектах, но при этом

вовсе не испытывали чувства принадлежности к украинской нации. Идея национальной украинской обособленности сохранилась разве что в умах образованных людей, интересовавшихся литературой, фольклором и древностью» [2, с. 41].

Обобщая опыт включения в Российскую империю территорий, населенных нерусскими этническими группами, Хоскинг делает ряд выводов.

Прежде всего, он утверждает, что в отличие от западного опыта строительства империй в России была создана некая национальная элита [2, с. 54].

Он считает основным приоритетом в государственной политике России сохранение уже завоеванных территорий любой ценой и зачастую в ущерб экономическим интересам государства. Сам факт обладания крупными территориями имел первостепенную значимость в сознании русского народа и других этносов, включенных в процесс ассимиляции и этнической миксации на базе русского самосознания. «Во все времена выживание империи и поддержание территориальной целостности являлись важнейшими приоритетами для российских правителей: перед ними отступали все остальные — национальные, религиозные, экономические и прочие. Имперское сознание было очень сильным и основывалось на гордости за просторы и разнообразие державы, за военные победы» [2, с. 56].

Кроме того, Хоскинг подчеркивает огромную роль в объединении многочисленных этносов русского языка и русской культуры. Он делает вывод, что местные языки и культуры не заменялись языком и культурой титульного этноса. Общие положения этой политики, применимые ко всем без исключения народам царской России, в видении Хоскинга таковы: «Попытка внушить всем народам империи ощущение принадлежности к России; сделать это можно было, по мнению властей, либо через привычку употребления русского языка, либо через уважение к прошлому страны, культуре и традициям, либо через обращение в православную веру. При этом полная утрата другими народами своей национальной самобытности была вовсе не обязательна» [2, с. 380].

Хоскинг выделяет три разновидности русификаторской политики:

1) совмещение этнических ценностей того или иного народа и признание исконно русских ценностей — британская модель;

2) габсбургская модель, в которой подданным неавстрийского происхождения предлагалась верность не самой Австрии, но личности императора и династии;

3) особая разновидность политики русификации — концепция панславизма.

Естественно, что национальный вопрос со всей остротой встал перед пришедшими к власти большевиками. По мнению Хоскинга, поскольку марксистская теория не предлагала готовых схем разрешения этой проблемы, Ленину и его соратникам пришлось строить национальную политику исходя из конкретных вызовов времени. И хотя большевики в «Декларации прав народов России» отмечали равенство и суверенность всех народов страны и даже санкционировали право на самоопределение вплоть до отделения от Советской России, в том случае, если тот или иной этнос выбирал ту или иную форму интеграции, она, не будучи федерацией, не могла предложить ему «истинного интернационализма». «Единственное, что он (Ленин. — А. З., А. К.) мог сделать, — это предоставить им возможность войти в состав многонационального государства, где русские преобладали количественно, господствовали в администрации и где доминировали русский язык и культура. Не обладая таким средством самозащиты, как федеральная структура, народы России оказывались перед опасностью полной русификации. Это было то самое зло, против которого они боролись при царе» [2, с. 90—91]. Этим, по мнению Хоскинга, объясняется та поспешность, с которой чехи, поляки, народы Прибалтики и финны поспешили отделиться от России, сохраняя память о ее недавней политике, направленной на подавление национального самосознания.

Другая ситуация сложилась с мусульманскими народами Поволжья и Урала. Испытывая многовековую национальную и религиозную дискриминацию со стороны царского правительства, мусульмане России благосклонно восприняли интернациональные идеи большевиков. По мнению Хоскинга, это связано с достаточно распространенными в то время, особенно в среде радикальной мусульманской интеллигенции, идеями о схожей интернациональной природе коммунизма и ислама. Однако практика национального строительства (о чем, прежде всего, свидетельствовала судьба М. Х. Султангалиева, главы Центрального бюро коммунистических организаций Востока в 1918—1921 гг., исключенного из партии и расстрелянного), была лишь продолжением царской политики русификации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в своих работах Дж. Хоскинг во многом опирается на выводы, сделанные А. Тойнби. В этой связи можно заметить, что такой подход в

некоторых случаях помогает определить направление развития, однако далеко не всегда проясняет конкретную историческую ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М.: АЙРИС ПРЕСС, 2003. С. 228—229.
2. *Дж. Хоскинг.* Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск: Русин, 2001. С. 10, 13, 23, 41, 54, 56, 90—91, 380.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСЛАМА КАК ПОПЫТКА АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

Р. Н. КИЦЕНКО

Кафедра истории и культурологии

Казавшаяся неразрешимой многим ученым и общественным деятелям проблема существования полиэтнических государств на рубеже XIX—XX столетий после окончания Первой мировой войны, казалось, нашла свое разрешение. Принцип, положенный в основу нового европейского миропорядка, основывался на постулате, отстаиваемом практически всеми националистическими движениями мира: «каждому народу — свое государство». История показала иллюзорность надежд на построение человеческого общества, в котором бы царила гармония. Разрушение полиэтнических империй в итоге поставило перед обществом те же вопросы, от которых оно пыталось уйти. Для современного человечества события почти вековой давности тем важнее, чем увереннее мы можем говорить о формировании глобального мира, пронизанного перспективой интеграции на всевозможных уровнях. В этой связи у человека возникает потребность избегания социальной, а в большей степени, этнической унификации через традиционные идентификации. В последнее время наблюдается тенденция к отождествлению этнической и конфессиональной принадлежности. Поэтому вполне закономерен интерес к религиозной компоненте такого сложного социально-философского феномена как полиэтничность, являющейся, на наш взгляд, одной из главных атрибутивных характеристик современных государств. Что касается ислама, то выбор пал именно на эту религию не

случайно: рост численности приверженцев мусульманской вере по всему миру вызывает удивление и одновременно страх, особенно в свете последних событий; обвинения в агрессивности и нетерпимости ее адептов стали обычным явлением. Необходимо помнить, что все мы живем в мире, который отличается многообразием, в том числе этнической и религиозной жизни, а следовательно, за нами остается только единственное «право» — учиться понимать друг друга.

В настоящее время общественная дискуссия об исламе выдвинула на первый план академическую дисциплину, которой обычно не уделялось много внимания. Представители науки об исламе, историки ислама и политологи, стали желанными собеседниками и комментаторами в СМИ. Такая тенденция уже прослеживалась десять лет назад во время войны в Персидском заливе. Недавние теракты в США и их пока еще необозримые последствия вновь продемонстрировали насущную необходимость в научно обоснованном анализе истории и современности мусульманских обществ.

Скрытый конфликт между Востоком и Западом и стремительно возросшее число этнических конфликтов в различных частях света привели в 90-х г. прошлого столетия к новому осмыслению разносторонней роли культурной и религиозной самобытности. Сегодня исследователям приходится заниматься не только своей дисциплиной в ее «чистом» академическом виде, но и придавать повышенное значение межкультурному диалогу. Перед лицом существующих проблем в области коммуникации как между западными и исламскими обществами, так и внутри них самих, исследователи ислама в возросшей степени осуществляют общественные функции. Они все больше используют свою компетентность и опыт для того, чтобы содействовать дифференцированному восприятию ислама и исламских обществ. Подобная позиция служит и тому, чтобы привести эмпирические аргументы против много обсуждаемого тезиса американского политолога Сэмюэля Хантингтона о «борьбе цивилизаций».

После событий 11 сентября исследователи ислама почти из всех европейских стран сообща обратились с призывом к СМИ не формировать образ ислама по сюжетам о радикальных мусульманах, а принимать во внимание дифференцированность и общий контекст дискуссий об исламе в прошлом и настоящем.

Долгое время в мировом исламоведении основное внимание уделялось исследованию текстовых традиций и истории исламского культурного пространства. Сегодня видно, что главное вни-

мание уделяется развитию мусульманских обществ и формам исламского мышления в современности, при этом не предаются забвению нормативные и исторические первоисточники исламской культуры. С недавнего времени в центре исследований находятся, главным образом, многогранные «диалоговые» вопросы, например ход и последствия глобализации, и в частности разработка проблемы «этнического парадокса», заключающейся в неугасающем парциальном стремлении этносов при все более усиливающейся интернационализации и нивелировке; вопросы взаимодействия между локальными культурами и мусульманскими обществами, сравнение различных взглядов и перемены в отношении различных стран к исламскому миру. С особым вниманием исследователи относятся к вопросу о теологическом и социальном обосновании «европейского ислама», который географически присутствует и в России.

Подобные тенденции и стремление к взаимопониманию не являются лишь какой-то абстрактной международной задачей. Этот процесс должен проходить в любой стране. Действительно ли мы уже осознали такую необходимость?

Проблематика взаимосвязи между общественно-политическим строем, этнической принадлежностью и религиозной самобытностью, особенно в среде молодежи, в будущем должна стать главной темой эмпирических и ориентированных на практику исследований. Это задача не только для ученых-исламистов и религиоведов, но и для социологов, этнологов и психологов.

Для ислама, пожалуй, главная предполагаемая трудность — конфронтация с открытостью Запада, с духовной секуляризацией и свободой вероисповедания. Путь к этому, т. е. к отделению церкви от государства, занял в Европе несколько веков, а теперь от исламских обществ требуют проделать его за очень короткое время. Осознать эту трудность — не значит избавить мусульманский мир от нее. Современные политики и исследователи все больше понимают, что каждая цивилизация — самобытна и должна найти собственную дорогу к современности. Отсюда, для Запада главной трудностью можно считать понимание того, какие «культурные» последствия в широком смысле этого слова влекут за собой навязываемые другим способы существования. Действительно ли Запад отдает себе отчет, в каких неслыханных масштабах — благодаря этим механизмам, которые кажутся совершенно обычными — вторгается в вековые культурные традиции других народов? И понимает ли, что таким образом форсирует разрушение связей, без которых, возможно, могло бы обойтись

западное общество, но не подобные традиционалистские структуры?

Смешение и взаимопроникновение культур ни в коей мере не происходит при равных условиях и с одинаковой силой. Глобализация в нашем сегодняшнем понимании — это доминирующая экономическая мощь Запада, которая вторгается во все культуры и пытается свести людей до уровня их экономических функций в качестве потребителей и производителей. В ходе длительного исторического процесса социальная составляющая в современных развитых государствах стала составлять значительную часть механизма жизнедеятельности общества. Однако ныне стабильность подобного общественного консенсуса становится зыбкой. Процесс глобализации позволяет многим корпорациям уклоняться от «социальных обязательств» благодаря переносу рабочих мест в страны с низким уровнем заработной платы, уводу прибылей в налоговые оазисы, обходу экологических норм и т. д. Все это никоим образом не способствует желанию понять друг друга — противоречия между «сытым» Западом и «нищими» Востоком и Югом, представленными преимущественно исламскими государствами, остаются.

Как мы видим, проблема многоаспектна. И выражается она, в первую очередь, в попытках научной рефлексии. Упрек в нивелировании Востока десятилетиями довлел именно над исламоведением. С тех пор, как в 1978 г. американский литературовед Эдвард Саид увязал западных востоковедов с политическими и культурными претензиями Запада на господство в эпоху колониализма, дискуссия о тенденции «ориентализма» в научно-исследовательском дискурсе не угасла. Кроме того, дискуссия дополнительно разжигалась отчасти полемическими нападками, которые мусульманские интеллектуалы направляли в адрес исследователей ислама в Америке и Европе. Основная критика заключалась в историческом подходе к рассмотрению священного учения и истории ислама, который, по мнению многих мусульман, искажает ислам.

Коран — священная книга мусульман, переданная им посланником Божьим — Мухаммедом. В мусульманской теологии есть термин «иджаз», который означает «быть бессильным создать что-либо подобное тому, что создано Аллахом», а ведь Коран и есть Калямалла (слова Господни). Это уникальное по стихосложению, торжественному восхвалению и бытовой мудрости свод морально-нравственных, религиозных, гражданских, политических и юридических норм, переданных пророком за сравнительно дли-

тельный период времени; появление первой суры (главы) под номером 96 относится примерно к 610 г. н. э., последняя же составлена незадолго до смерти пророка в 632 г. н. э.

Традиционно общепринятым считается, что структура его аятов (стихов) и их смысловая значимость настолько совершенна, своеобразна и многолика, что пословному переводу не подлежит и возможным представляется лишь смысловое толкование этой священной книги. Поэтому английское академическое издание выпустило его под заголовком «Толкование Корана» [1] и настаивает на правомерности такого заголовка. Такой практики придерживаются почти все современные исследователи ислама. Перевод священного писания не укладывается в рамки обыкновенного перевода, а накладывает на переводчика тяжкую «узду»: передать не столько словарное значение той или иной языковой единицы, сколько ее, так сказать, религиозный смысл. А потому традиционно выполненные переводы не только лишают Коран его духовно-поэтической окраски, но и приводят к выраженному оскудению смысла писания. Один из современных исследователей Корана Валерия Порохова замечает по этому поводу: «Чрезвычайно высокочастотное «такуа» и соответственно его производное «мутакин» традиционно переводится как «бояться Бога» и соответственно «те, кто боятся Бога», где совершенно не передано его значение «быть благочестивым» и, соответственно, «те, кто блюдет благочестие», хотя в большинстве случаев коранического текста звучит призыв именно к благочестию как атрибуту веры в Господа, а не призыв страшиться Его — такого Всемилостивого и Милосердного!» [2]. Поэтому за основу перевода принимается не только буквальный текст Корана, но и один из лучших и наиболее полных тафсиров к нему не только арабских, но и европейских изданий. Тафсир — это развернутое толкование аятов Корана, выполняемое, как правило, самыми просвещенными в этой области священнослужителями, теологами и теофилософами ислама. В этой связи многие исламоведы учитывают ряд важных моментов — у самих арабских теологов содержание тафсиров обусловлено индивидуальным восприятием и суждением, причем те или иные политические режимы исламских стран приемлют одни и отвергают другие. То есть каждый тафсир социален по времени и индивидуален по стилистической умеренности, радикальности, или, можно сказать, словесной воинственности. Поэтому переводы иностранцев, стоящих вне религиозного мировоззрения, могут претендовать на большую объективность.

Корни непонимания, как мы видим, кроются в отсутствии информации или в ее искажении. Прекрасной иллюстрацией подобной проблемы может служить глубоко философская идея о предопределении в исламе (существующая в виде упрощенного представления в сознании европейцев). Она основана не на произволе Божьем, а на Его всеведении и вседейственности, на которое много раз и с особым ударением указывается в Коране. Свобода предпочтений не только не упраздняется, а напротив, вменяется человеку, вводится в рамки чисто внутреннего, нравственного отношения его к Богу: быть добрым или злым, принять или отвергнуть предлагаемый ему закон Божий, оставаться верным этому закону или отступить от него, одним словом, быть в сердце своем с Богом или без Него — это зависит от самого человека. Тем самым Коран как бы возвращает все религии к их общему источнику — религии Авраама — и делает принятие ее нравственно обязательным для добросовестных последователей Моисея, Христа и Мухаммеда. Понятие о едином истинном Боге и необходимости чистого служения Ему существовало еще до Мухаммеда между теми арабами, которые не приняли ни иудаизма, ни христианства и назывались «отделившимися», или по-арабски «ханифами», что впоследствии стало обозначать последователей древней веры Авраамовой, — в этом смысле и Мухаммед называет себя ханифом. Мухаммед решительно отклоняет от себя притязание быть основателем ислама: «Ислам, — говорит он, — это религия Ноя (Нуха), Авраама (Ибрахима), Моисея (Мусы) и Иисуса (Исы)» (сура 2). Это единство и древность ислама заставляют Мухаммеда осуждать всякую религиозную исключительность и требовать одинакового признания всех исторически различных проявлений истинной религии. «Мухаммед нигде не выставляет учение Корана как высшую ступень религиозного развития, — признаваемое им превосходство этого учения, равно как и веры Авраамовой, с которой оно, безусловно, тождественно, состоит не в большей полноте или в высшем развитии религиозной истины, а единственно только в том, что здесь эта истина остается в своей первоначальной чистоте: «наша вера чиста». Все пророки получали чистую веру с неба, но затем она искажалась частью по вине людей, частью от действия злого духа», — утверждает Вл. Соловьев [3].

В исламском мире полностью отсутствует характерная для западной цивилизации дихотомия между священным и светским. Не делая различия между сакральным и профаническим, интегрируя религию во все аспекты жизни, а саму жизнь — в ритмику

обрядов и правил, предписываемых религией, ислам создает жизненное единство. Мухаммед никогда не разделяет веру от дел веры. О вере, которая не выражается ни в каких добрых делах, в Коране даже не упоминается. Вера есть именно то, что связывает человека с истинной жизнью. Писание — это та «программа», по которой жизнь и деятельность человека должны гармонично влиться в мировой строгий порядок, что был задуман творцом; и сознательное участие человека в осуществлении этого порядка и есть «служение во благо» в рамках личной ответственности.

Одной из задач современного исламоведения, помимо научно-практической, является, безусловно, задача воспитательная. Ученые и исследователи, их труды, усилия в сфере информирования общества по острым проблемам межкультурной, межэтнической коммуникации — ступени к диалогу и взаимопониманию, который возможен несмотря на кажущееся различие. Исламская цивилизация, ее внутреннее богатство, порой оставляемое без внимания самими мусульманами, должна породить восхищение, а не боязнь и недоверие. И могущество ее проявляется не только в массовости и размахе, но и в огромном духовном потенциале, количестве объективных знаний об окружающем мире, сосредоточенных здесь, и, как это ни парадоксально, в прогрессивности социальных форм и структур исламского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The Koran* Interpreted. London: Oxford University Press, 1969.
2. Порохова В. Коран: Перевод смыслов и комментарии. Аль-Азар Аль-Шариф, ОАЭ, 1999. С. 8.
3. См.: *Русская философия*. Смоленск: Лира, 2002. С. 110.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Г. П. КИБАСОВА

Кафедра истории и культурологии

Долгое время проблемы этнического развития проходили по разряду второстепенных. В теории и практике были распространены представления о «естественном процессе угасания этничности». Но в последние десятилетия человечество столкнулось с ситуацией «с точностью наоборот». Острота этнических проблем

в мире и на постсоветском пространстве заставила говорить о новой «этнической революции». Действительность значительно опередила философско-методологические возможности ее исследования. В результате многие объяснительные модели этнического развития, концептуальные подходы, направленные на понимание и раскрытие особенностей этногенеза, потеряли свою эффективность. Независимо от желания политиков и теоретиков этнические проблемы вышли в разряд самых острых, потребовали к себе самого пристального внимания и, как следствие, корреляции существующих концепций. Об этом свидетельствует ситуация обвального нарастания новых понятий, статус которых не определен. За всеми этими методологическими трансформациями просматриваются следующие тенденции. Во-первых, стремление вывести этническую историю из подчинения социальной и, следовательно, определить ее роль и место в метаэволюционном процессе. Во-вторых, тяготение к принципиально новым характеристикам этноса как определенной целостности. Причем не в рамках новоевропейской методологии, а с учетом опыта современных исследований. И последнее, но не менее важное, ситуация с проблемами этноса является зеркальным отражением общенаучной картины кардинальной смены научной парадигмы. В такие переломные эпохи, прежде всего, подвергаются переосмыслению основные философские категории бытия человеческого мира — пространство и время.

Любая сфера бытия предполагает специфику своего пространства-времени, что и определяет ее качественное своеобразие и уникальность. Анализ разных сторон социальной действительности через эти категории становится насущной необходимостью, поскольку дает возможность конкретизировать их содержание и, в конечном счете, обогатить арсенал философского знания. Кроме того, в отечественной и зарубежной этнологии существует множество теорий, с разных позиций освещающих сущность, происхождение, будущность этносов, каждая из которых концептуально не соотнесена с другими. В результате чего специфика этноса как целостности оказывается недостаточно выявленной, противоречивой. Когерентной концепции, согласующей все существующие подходы, на сегодняшний день еще не сложилось. Следовательно, присутствует острая необходимость в формировании такой методологии исследования этнической истории, которая способна эксплицировать внутренний порядок и закономерности развития этноса как самоорганизующейся многомерной целостности. Введение в научный оборот методологии синергетики

и таких принципов, как принцип относительности, многомерности, дополнительности позволяют выявить предельные основания исторического бытия этносов.

Исследование этноса через основные философские категории — назревшая потребность. Об этом говорит, например, тема IV конгресса этнологов и антропологов «Время в этнологии, этнология времени» [1]. Выбор темы показывает главную особенность нашей эпохи — диктат времени. Но, мы считаем, что именно этнос нуждается, прежде всего, в пространственных характеристиках. Само собой разумеется, что особую роль играют географические параметры, что достаточно подробно было исследовано Л. Н. Гумилевым. Но этнос — это особый генетический, демографический, социокультурный порядок существования. Он существует и самоосуществляется в своем особом пространственно-временном континууме, который охватывает тысячелетние циклы, в отличие, например, от социально-политических, когда речь может идти в лучшем случае о веках.

Однако отечественная социальная философия еще не в полную меру освоила новые методологические средства и, прежде всего, категории этнического времени и этнического пространства, которые позволяют на концептуально новых основаниях подойти к этнической истории человечества. Эти категории впервые как интеллектуальный инструмент были использованы в работах Н. Н. Седовой [2]. Экспликация «этнического времени» посвящена докторская диссертация И. А. Петровой [3].

Этническое время указывает вектор этнических изменений. В связи с этим напомним замечание А. Ф. Лосева: «Пространство-время Эйнштейна — это вектор и тензор*» [4]. Поэтому правомерен вопрос: какие изменения фиксирует этническое время? Предварительный ответ может быть, очевидно, следующим: этническое время характеризует последовательность качественных изменений внутреннего порядка существования этноса, или этнического пространства, которое является отражением тензора этнической системы. Таким образом, каждому временному отрезку истории этноса соответствует свой особый порядок существова-

* Вектор — (лат. *Vector*) везущий, несущий (мат.) прямолинейный отрезок, которому придано определенное направление, величина, характеризующая не только числовым значением, но и направлением (сила, скорость и т. д.). Тензор — (лат. *Tendere*) натягивать, напрягать, в математике особая величина, отражающая напряжение (тензор напряжения), деформацию (тензор деформации), является развитием и обобщением вектора (Словарь иностранных слов. М.: Советская энциклопедия. 1988. С. 127, 635).

ния, поскольку идет усложнение собственной внутренней структуры этноса по законам самоорганизации сложных систем. Следовательно, анализ этноса как целостности автоматически, вслед за временной категорией его бытия, влечет необходимость экспликации и введения в научный оборот и категории, отражающей его пространственные параметры. Современное состояние отечественного обществознания подтверждает эту тенденцию.

На сегодняшний день с понятием «этническое пространство» сложилась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, оно стало практически общеупотребимым. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно войти в Интернет. Мы увидим, что оно широко используется в публицистике, журналистике, спичах политиков. К нему обращаются представители разных гуманитарных наук. Этническое пространство можно встретить в работах по социальной философии, социологии, политологии, этнологии, истории и т. д. Мотивы обращения совершенно различны, поэтому весьма разнообразны его трактовки. Что же заставляет гуманитариев прибегать к этому понятию? Очевидно, прежде всего, неудовлетворенность существующим понятийным аппаратом, и, следовательно, недостаточность методологической базы, на которую приходится опираться при анализе социальной реальности. Кроме того, очевидно, понимание особенности, «самости» порядка существования этноса, его особой связи как с биосферой, так и с социальной сферой. В то же время понятия «этническое пространство» нет в словарях и справочных изданиях, его нельзя встретить в учебных пособиях. Нет работ, посвященных анализу сущности данного понятия, не определен его категориальный статус. Наряду с «этническим пространством» используется множество других понятий, отражающих пространственные параметры этноса: «территория расселения этноса», «география этноса», «пространство этноса», «экологическая ниша этноса», «этническая территория», «силовое поле этноса» и т. д. Все эти понятия не соотнесены друг с другом, не определена субординация между ними, часто используются как взаимозаменяемые. Следовательно, необходимо выявить интегративное понятие, которое охватывает всю многомерность бытия этноса.

Первым, кто проблему зарождения и формирования этноса связал со специфическими условиями пространства и времени, был Л. Н. Гумилев. В его работах детально показана связь природно-географической среды и этноса, впервые разводятся этногенез и социогенез [5]. Развитие этноса он связывает с определенной пространственно-географической локализацией и опре-

деленными временными параметрами существования. Таким образом, Л. Н. Гумилев фактически подошел к мысли о том, что этнос как система образует свое пространство и время. С точки зрения концепции пассионарности, Л. Н. Гумилеву был необходим анализ пространства жизни этноса (но не этнического пространства), на чем он и сосредоточился, то есть была исследована одна из пространственных мерностей этноса.

В работах последнего времени можно встретить самые разные трактовки этого понятия. Например, В. И. Ильин интерпретирует «этническое пространство» с позиций конструктивизма. Он пишет: «Одним из срезов социального пространства является пространство этническое. Его метафорой... может служить огромное многоэтажное здание». И далее: «Этническое пространство, состоящее из групповых статусных позиций (этнополей), является объективной, надындивидуальной реальностью. Это не совокупность индивидов, а пространство, насыщенное более или менее интенсивными отношениями, нормами, ценностями. Мы входим в него, как входим в большое здание, и выбираем там подходящее для нас помещение... Как вошли, так же в принципе можем и выйти. Индивид живет в этом этническом пространстве, но он не связан с ним неразрывной нитью. Входя в то или иное этнополе, он надевает на себя соответствующий «национальный костюм»,...выходя из него, он сбрасывает прежний «костюм»...» [6]. У В. И. Ильина социальное пространство «взято» как бы в плане сверху. Ученый исследует только плоскость современного общества, где просматриваются узлы особого напряжения — этнополя, которые надо «вписать» в структуру современного социума. Поэтому в данном случае понятие носит характер инструмента социологического анализа, а не символа реального пространственного континуума. В этом качестве оно вполне работает. Так, при его помощи вполне можно анализировать смысл этнической идентификации, которая носит во многом ситуативный характер и часто обусловлена конкретными политическими реалиями, ведь человек невольно идентифицирует себя с тем народом, среди представителей которого он испытывает больший социально-психологический комфорт, приобретает более высокий этнический статус.

Однако, в целом, можно сказать, что выделение этнического поля и механизмов его конструирования является необходимым, но недостаточным условием для выявления новых теоретических подходов к проблемам этноса и этногенеза, поскольку в русле социологии не выявляются «глубинные» пласты конструируемой реальности. Следовательно, мы имеем образец социологического

конструкта для анализа тенденций современного этнического развития. В таком ракурсе этнос вполне «податлив», легко конструируется в соответствии с потребностями той или иной социологической концепции. Кстати, отметим, что понятие поля давно используется в социальных науках, одним из первых, кто стал разрабатывать теорию социальных полей, был Пьер Бурдьё.

В последнее время оно стало активно применяться для анализа специфики этнической системы взаимодействий. Например, Егор Холмогоров [7] предлагает ввести в этнопсихологию целый ряд категорий, связанных с концептом этнического поля. Он считает, что оно может стать ключевым в создании этнопсихологии совершенно нового уровня. Этническое поле в данном случае трактуется как динамическое пространство, в котором протекает психическая деятельность этноса в качестве целостной системы. Как мы видим, в рамках этнопсихологии также назрела необходимость анализа этноса как целостной системы, имеющей внутреннее психологическое пространство.

Эвристической ценностью обладает трактовка этнического пространства, предложенная З. В. Сикевичем. «В самом общем смысле, — пишет он, — все население России, состоящее из представителей различных народов, располагается в этническом пространстве, в котором отдельные этнические группы (этнические пространство в узком понимании) находятся в определенных отношениях друг с другом, причем каждая из них занимает особое положение в более широкой общности единого этнического пространства. Этническое пространство... России, существует в определенной пространственной протяженности, иными словами, имеет территориальное измерение, каковым выступает политическое пространство Российской Федерации» [8].

Как мы видим, здесь предлагается подход в рамках этносоциологии. Этническое пространство России рассматривается как сумма пространств проживающих здесь народов. Здесь нам представляется необходимым сделать некоторое уточнение. Очевидно, этническое пространство — это все-таки особое пространство конкретного этноса (чьё?), а не суммы этносов. Если каждый этнос имеет свое пространство, то значит, Россия «обнимает» своими политическими границами сумму этого множества, которая (сумма) есть уже не этническое, а полиэтничное пространство. Нам кажется, именно для этого автор и подчеркивает, что понятие этническое пространство может иметь широкий и узкий смыслы. Но для того чтобы анализировать структуру полиэтничного пространства России, необходимо, очевидно, определить-

ся с его структурной единицей, то есть определить категориальный статус понятия этнического пространства. Представляется интересной также попытка З. В. Сикевича совместить географическое, политическое и этническое пространство. Но тут вряд ли можно достигнуть полного совпадения. Например, этническое пространство, безусловно, неразрывно связано с конкретной территорией, но не измеряется ею. Все это плоскости, срезы социального пространства, части единого целого, но в то же время имеющие свой особый порядок существования. Поэтому необходимо не совмещать эти плоскости, а увидеть взаимодействие как на внешнем уровне, так и обусловленность на внутреннем уровне.

В упомянутой работе И. А. Петровой [3] социально-философский анализ этнического времени потребовал ввести понятие этническое пространство. Отметим, что «пространство этноса» и «этническое пространство» еще используются как взаимозаменяемые. Это не совсем корректно, хотя и объяснимо в ситуации неопределенности их содержательной наполненности. Дальнейшая разработка этих понятий не входила в задачи автора. А такая необходимость есть, поскольку понятие «пространство этноса» работает только до определенного уровня, затем требуется введение понятия иного категориального уровня, что мы попытаемся показать.

В исторических исследованиях последнего времени некоторые авторы, неудовлетворенные крайностями как формационного, так и цивилизационного подходов, для экспликации специфических этнокультурных процессов вынуждены были так же искать новые понятия. Например, В. П. Буданова для анализа мира варваров эпохи великого переселения народов, чтобы показать самостоятельное значение Барбарикума вводит понятие «этническое пространство» [9]. Это позволило автору выделить исторический этап (отметим, достаточно длительный: с первых веков нашей эры и до VI—VII века), окрашенный доминирующей исторической деятельностью определенных племенных этносов, которые не вписываются в привычные цивилизационные и формационные хронологические рамки. Приведенные примеры показывают, что на сегодняшний день сложился достаточный информационный массив, не только позволяющий, но и побуждающий поставить вопрос о сущности понятия этническое пространство. Хотя диапазон его трактовки достаточно широк, тем не менее, все они в той или иной форме исходят из признания особой формы пространства — этнического пространства и возможностей его экспликации как универсальной формы существования этноса. Эвристическую ценность представляют следующие моменты: 1) этничес-

кое пространство — это особая система взаимодействий, порядок существования которой не совпадает с социальным порядком; 2) этническое пространство является частью социального, но в то же время имеет особую силу напряжения, свое «силовое поле».

Таким образом, анализ сущности этноса через основные философские категории представляется сегодня настоящей потребностью. Он позволит исследовать всеобщие характеристики самого предмета изучения. Но использование новых понятий возможно только в новой системе научных координат, где этническая составляющая будет представлена как самостоятельный, самодостаточный срез социального развития. Это позволит рассматривать этногенез как составную часть макроэволюционных процессов, а этнос — через пространственно-временной континуум как открытую систему, не имеющую жестко заданных границ своего бытия, находящуюся в развитии и взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Человек*. 2002. № 1. С. 189, 192.
2. *Седова Н. Н.* Человек этнический. Волгоград. 1994.
3. *Петрова И. А.* Россия в этническом времени. Волгоград. 1999.
4. *Лосев А. Ф.* Из неопубликованного наследия // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 123—132.
5. *Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы, М., 1993.
6. *Ильин В. И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ (1917—1996 гг.): (Опыт конструктивистско-структуралистского анализа). Гл. 8. Интернет.
7. *Холмогоров Е.* Этническое поле и его константы. Интернет.
8. *Сикевич З. В.* О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. Интернет.
9. *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука. 2000. С. 7.

Раздел 5

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: КАКИМ ОНО БУДЕТ?

Р. А. КОБЫЛКИН

Кафедра истории и культурологии

Сегодня много говорят о проблемах воспитания молодежи, о привитии ей чувства патриотизма, о том, каким оно должно быть, каким ценностям нужно отдавать предпочтение, чтобы из молодого человека получился настоящий гражданин своей страны. Все эти проблемы связаны с изменениями, которые затронули все российское общество. Современное российское общество оказалось расколотым на группы сторонников старых идей и ценностей и на приверженцев новых, демократических ценностей. Политика государства также еще не выработала государственную идеологию, на основе которой можно говорить о ценностях нашего общества и их привитии молодежи.

Современная Россия, являясь обществом переходного периода, переживает тяжелейший системный кризис, проявляющийся как в сфере материальной, так и духовной культуры. Отвергнуто коммунистическое прошлое страны, все то, чем она жила долгое время, сегодня критикуется и предается забвению. Хотя, если вспомнить историю России, похожие общественные изменения уже происходили и в семнадцатом году XX в., и еще раньше в XVIII в. при Петре I. По мнению многих отечественных мыслителей, склонность к крайностям заложена в характере русского человека. «Все мы русские любим по краям и пропастям блуждать», — еще в XVII в. жаловался наш первый славянофил, Ю. Крижанич. «Страшно свободен духом русский человек», — говорил Ф. М. Достоевский, указывая на Петра I. В этой-то страшной свободе духа, в этой способности внезапно отрваться

от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего, — в этой произвольной беспочвенности и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа. «Нас очень трудно сдвинуть; но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии до крайности», — писал Д. С. Мережковский еще в начале XX в. [1].

Стремление к крайностям, которое заложено в русском характере, имеет несколько оснований. Это и положение России, которая находится между Западом и Востоком, и природно-климатические условия, а также обширные территории. Россия — континентальная страна с резким климатом, отсюда негарантированность земледельческих работ и, как следствие, характерная русская черта — «надежда на авось».

Кроме того, обширные территории России требовали сильной централизованной власти, отсюда существенная черта русского менталитета — обожествление власти и стихийный монархизм. С другой стороны, большое пространство государства, отсутствие дорог приводило к тому, что законы никогда не доходили до окраин в первозданном виде, это формировало чувство безнаказанности и анархизма. Стремление к вольности формировалось в результате переселения людей на окраины и освоения новых земель. Там ощущалась отдаленность от центра, и появлялось чувство свободы. Именно поэтому в русском характере сосуществуют такие чувства, как деспотизм и анархизм, жестокость и человечность, мягкость и суровость, обрядоверие и мистическое искание правды, индивидуализм и коллективизм, смирение и наглость, рабство и бунт. «Вот он, русский человек, в трудные минуты он будет ругать начальство, но как до дела дойдет покажет себя», — отмечал эту противоречивую особенность русского характера писатель В. Некрасов [2].

На протяжении всей русской истории уклад жизни человека основывался на христианских добродетелях. Россия заимствовала христианство из Византии, где церковь никогда не была свободной, это, с одной стороны, сказалось на представлении об отсутствии индивидуальной свободы. С другой стороны, православие пришло на Русь «в младенческом» (по определению С. Соловьева) возрасте, когда еще главной силой в развитии являлись эмоции, чувства, а не интеллект. Эмоциональность, отличительная черта православия, вызывала особую предрасположенность к вере, одухотворенности. Православие учило человека быть свободным от

мира вещей, душу рассматривало как храм, оберегало ее от стяжательства, которое считалось грехом. На Руси уважали достаток, к роскоши относились предосудительно.

Очень важным фактором, повлиявшим на формирование русского характера, является община, которая помогала выжить в условиях рискованного земледелия. Общинная жизнь формировала гостеприимность, открытость, готовность прийти на помощь. С другой стороны, такая жизнь не требовала чувства ответственности, не формировала предприимчивость. Община не дала развиваться в полной мере частной собственности в России, и поэтому такой стимул развития, как конкуренция, отсутствовал. Таким образом, русский коллективизм был бессознательным, психологическим и не подкреплялся материальными факторами.

Все эти составляющие, которые присутствуют в русском характере, были выражены в 30-е гг. XIX в. графом С. Уваровым. Он предложил принять в качестве официальной российской идеологии триединую формулу: «православие, самодержавие, народность». Эта идеология была поддержана государством, и оно много делало для ее внедрения в общественное сознание. Церковь постоянно призывала к покорности властям, верности православию и братству во Христе. Триаду изучали на уроках Закона Божьего в гимназиях, реальных училищах и церковно-приходских школах. Она лежала в основе преподавания гуманитарных наук в системе высшего образования.

С приходом к власти большевистской партии во главе с В. И. Лениным в стране изменился не только государственный строй, но и идеология. Православие было заменено верой в светлое коммунистическое будущее, на смену самодержавию пришла власть тоталитарного режима, а народность была трансформирована в советское общество, в котором индивидуализм всячески пресекался.

С началом перестройки происходит пересмотр коммунистической идеологии, что привело к распаду государства и смене политического курса страны. В процессе реформирования страны через систему государственной власти идет насаждение политических, социальных, духовных и нравственных ценностей западного общества, которые по своей сути противоречат традиционным российским. Культура западного общества делает упор, прежде всего, на материальные ценности, на практичность, эффективность человеческой жизнедеятельности. Все эти ценности,

которые складывались веками при господстве материализма, противоречат традиционным российским ценностям. Так, по мнению В. Т. Пуляева, в процессе развития российской культуры сформировались определенные принципы, составляющие духовную основу нашего общества.

Во-первых, сохранение и развитие российской культуры стало возможным, поскольку она в своей сущностной характеристике не упустила главное — свое соборное начало. Русская соборность означает осознание духовной сущности народа, коренящейся в общем долге, общем суждении, общем действии. Она выстрадана веками. Вполне понятно, что российская культура изначально не есть культура индивидуалистская, но соборная, выражающая народное сознание, народное чувство мира.

Во-вторых, в основе российской культуры лежат глубочайшие духовные, нравственные начала. Вся история России подтверждает, что ядром воспроизводства и движения общества в ней является духовное развитие народа и, следовательно, духовная культура. Культура есть средство для духовного восхождения человека, его творчества, ибо он (человек) творит ценности культуры и реализует себя через культуру. Указанный принцип является отличительной чертой русской культуры и составляет бесценный вклад в мировое культурно-историческое наследие.

В-третьих, российская культура всегда направлена к человеку, а не против него, и поэтому она человечна, гуманистична. Гуманизм исходит из идеала человека, определяющего не только собственную жизнь, но и бытие всего мира. Этот гуманизм получил свое высшее выражение в русской философии всеединства, которая явилась новым словом в развитии всечеловеческой мысли [3].

Сегодняшняя ситуация в области духовной культуры «определяется борьбой двух систем ценностей: новой западной, характерной для менталитета капиталистического общества, и социалистической, характерной для недавнего прошлого и традиционного русского менталитета» [4]. Социологические данные последних лет показывают, что в российском обществе главными остаются традиционные ценности, которые формировались столетиями, хотя нельзя забывать и о недавнем социалистическом прошлом, которое также оказало влияние на формирование ценностей российского общества. Конечно, основные ценностные догматы перенесли изменения, и православие, например, которое сейчас пытаются сделать цементирующей силой общества, какой оно было

раньше, утратило свое первоначальное значение. Зато другие столпы российской государственности до сих пор играют определяющую роль. Так, большинство населения твердо ориентировалось и ориентируется на использование власти как ключевого инструмента в разрешении основных социально-экономических проблем. Поэтому среди населения характерными являются чувства апатии, разочарования, растерянности, неуверенности в завтрашнем дне, или, наоборот, агрессии и злобы, проявляющиеся в криминализации страны, росте крайних политических течений и т. д. Эти чувства также формируются из-за отсутствия ценностной системы, признаваемой большинством населения в качестве нравственной основы жизнедеятельности и одновременно выступающей в качестве регулятора социального действия. А государство еще не может предложить ту идею, которая бы объединяла все общество. Причем эта неопределенность присутствует в Конституции Российской Федерации, так, ст. 13 указывает на то, что ни одна идеология в России не может быть государственной. Таким образом, получается, что России нужна новая идеология, но она не имеет права быть государственной?! Эти противоречия распространяются и на другие сферы жизни российского общества, ведь государственная идеология определяет развитие духовной, политической, экономической и социальных сфер жизни общества.

При разработке национальной идеологии должны учитываться и такие моменты, как многонациональность российского государства, многообразие культур и религий, с одной стороны, и разные ценностные ориентации в обществе, связанные с отказом от советского прошлого страны — с другой. Исторически консолидация государства, по мнению В. В. Ильина, осуществлялась не по этническому, конфессиональному, а космополитическому, веротерпимому признаку. Сегодняшний идеологический вакуум, который образовался в 90-е гг., государство пытается восполнить с помощью православия. Несмотря на принятый в 1990 г. закон «О свободе совести», отменяющий государственный контроль и государственное регулирование религиозной жизни, государство насаждает православие во все сферы общественного сознания. Эти действия также противоречат Конституции, где в ст. 14 указано, что Россия — светское государство, от которого церковь отделена. Так, по мнению Ю. Афанасьева, ректора РГГУ, «...за такой чередой нарушений Конституции, в сущности, стоит кризис, который переживает и российское государство и церковь».

Огромные разрушения, которые претерпела Русская православная церковь за годы советской власти, сказались на этом кризисе. Церковь полагает, что верующих в России не то 80, не то 100 млн, а на самом деле, по всем исследованиям, воцерковленных православных в России — 2—3%. И, конечно, церкви хочется расширить свою социальную основу, но за счет государства» [5]. Что же касается государства, то оно само переживает колоссальный кризис и никак не может отыскать точку консолидации, которая бы позволила объединить российское общество. Упор на общечеловеческие (демократические) ценности тоже потерпел неудачу. Большинство населения России не интересуется демократическими ценностями. Идеология современного западного общества, центром которой провозглашаются «права человека», в России воспринимается с иронией. Например, система жизненных интересов человека в России сводится к ценности физиологического существования; ценность человеческой жизни для государства на современном этапе развития России невелика. Тем более государству нужно учитывать, что навязывание обществу других ценностей всегда влечет к утрате своих национальных, что ведет к всеобщей деградации. Вот поэтому и подыскивается такая идеология, которая сыграла бы роль позитивного консолидатора, будь то общечеловеческие ценности или национальная культура и православие.

Ситуация с поиском новой идеологии, в которой оказалось наше государство, еще в стадии разрешения. Проблема заключается в том, что сегодня молодежь растет под воздействием не национальной культуры, а так называемой массовой. Такая ситуация в будущем может привести к утрате своей идентичности, языка и культуры и, в конечном итоге, к исчезновению государства с карты Земли. Вялые призывы к воспитанию молодежи, привитию ей чувства патриотизма оказывают на нее незначительное действие, т. к. сами «ораторы» не знают, каким должен быть современный российский патриотизм. А понимание самого понятия патриотизм как любви к «малой родине», месту своего рождения, может привести к расколу общества. Вместе с тем эта любовь к родовым корням существенным образом отличается от патриотизма, стоящего на страже государственности и национальных интересов. Патриотизм лишь отчасти может опираться на любовь к родному очагу. Главная его опора — любовь к национальной, общегосударственной культуре, отличающей родную страну от других стран, любовь к национальному языку и харак-

теру, отличающим соотечественника от пришлого гостя, любовь к общим предкам, к общей истории и культуре. Именно русская культура стала общенациональным достоянием, впитав в себя достижения различных этнических культур, соединенных в российском государстве. Цивилизованное решение проблем модернизации культурного сознания органически связано с определением русской культуры в новой государственной модели. «Русская идея» — не риторический образ. Русский язык, являясь государственным, не ограничивая прав других национальных языков, становится важным условием эволюции культурного сознания русскоязычного населения «ближнего зарубежья», ущемленного в своих гражданских и культурных правах, с надеждой смотрящего на Отечество.

Патриотизм рождается ощущением бытия нации в собственной душе, собственным сознанием. Патриотом можно быть настолько, насколько нация присутствует в индивидуальной системе ценностей.

В плане научной деятельности разработка патриотического воспитания тесно связана с концепцией бытия нации. Только через определение дальнейшего развития государства, места и роли человека в нем можно говорить о воспитании молодежи.

Завтрашний день будет во многом определяться уровнем образования и профессиональной подготовки современного молодого поколения, его мировоззренческой позицией, желанием и умением активно участвовать в возрождении России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мережковский Д. С.* Грядущий хам // Большая Россия. Л., 1991. С. 36.
2. *Некрасов В.* В окопах Сталинграда // [Сб.] Память Сталинграда: В 3 т. Т. 2. Волгоград, 1992. С. 56.
3. *Пуляев В. Т.* Российская культура и реформирование общества // Социально-политический журнал. 1998. № 2.
4. *Рукавишников В. О.* Социальные аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования, 1995. № 1.
5. *Вернется ли в школу Закон Божий?* // Вестник высшей школы. 2002. № 11.

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕДИЦИНЫ, ЛОГИКИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

(Самая общая методика преподавания и изучения логики)

В. Н. ПРЯМИЦИН

*Кафедра философии и биоэтики
с курсом психологии и социологии медицины*

И все, что знаешь глубоко, не понаслышке, можно сказать тремя словами.*

Кюрнбергер

Логику изучать необходимо. Взаимная связь, взаимодействие логики с медициной, психологией, философией, этикой, социологией, грамматикой, со всем естественнонаучным и гуманитарным знанием очевидна. Об этом говорили многие видные ученые XIX и XX веков. О взаимосвязи логики, психологии, этики, грамматики русский философ и логик Г. И. Челпанов писал следующим образом: «На мышление можно смотреть с двух точек зрения. На него смотрят как на известный процесс, законы которого исследуют. Это будет точка зрения психологическая. Психология описывает, как совершается процесс мышления. Можно смотреть на мышление, как на средство достижения истины. Логика исследует, каким законам должно подчиняться мышление, чтобы оно могло привести к истине. Психология рассматривает мышление так, как оно есть; логика так, как оно должно быть. Психология рассматривает безразлично всевозможные роды мыслительной деятельности: рассуждение гения, бред больного и т. д. — для психологии представляют одинаковый интерес, потому что она рассматривает только, как осуществляется процесс мышления, логика же рассматривает условия, при которых мысль может быть истинной, достоверной. В этом отношении логика сближается с этикой, или наукой о нравственности, и с грамматикой. Этика указывает законы, которым должна подчиняться наша жизнь, чтобы быть добродетельной, и грамматика указывает правила, которым должна подчиняться речь, чтобы быть правильной. Логика указывает нам правила, законы или нормы, которым должно подчиняться наше мышление для того, чтобы быть истинным. Психология есть наука описательная, потому что она описывает и объясняет, как совершаются в действительности умственные про-

* Цит. по: Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.

цессы: логика есть наука нормативная, потому что она указывает те нормы, которым мышление должно подчиняться» [1].

«Логика является философской наукой, — пишет В. И. Курбатов, — потому что с помощью логического аппарата изучаются понятия необходимости, возможности, случайности, долженствования и другие» [2].

Логика, таким образом, совершенно справедливо считается естественным продолжением изучения и преподавания дисциплин, принадлежащих всему гуманитарному блоку, который, в свою очередь, включен в общеобразовательную программу медицинских вузов (Н. Н. Корниец, Н. Н. Седова, В. И. Курбатов, Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев, А. О. Маковельский, В. Ф. Асмус, А. А. Ивин, А. Д. Гетманова, Д. И. Грядовой и многие другие).

«Сейчас многие рассматривают преподавание логики как значимый фактор гуманитаризации образования», — пишет А. Г. Кислов в своем предисловии к новому изданию учебника «Дедуктивная и индуктивная логика» В. Минто [3].

«Логика как наука должна быть необходимым элементом общего образования в России. Овладение результатами логической науки является необходимым условием формирования культуры мышления и способствует развитию природных возможностей мыслительной деятельности человека» [4].

«Задачей изучения и преподавания логики является соединение логической теории и практики» [5].

Что касается взаимной связи, взаимодействия логики и медицины, то и это вполне очевидно. Во многих названиях разделов медицины есть слово «логия», например, онкология, стоматология и т. д. Это значит, что логика имманентна этим медицинским разделам. Логика априорно присутствует в диагностике. Вот что говорит об этом шотландский логик У. Минто, блестяще разбиравшийся в медицине. «Жажда, например, есть один из симптомов лихорадки; если пациент не чувствует ее, то мы можем сразу сделать заключение, что он болен не лихорадкой, — и доказательство, в его полной форме, пойдет по второй фигуре.

Все больные лихорадкой испытывают жажду.

Этот больной не испытывает жажды.

Этот больной болен не лихорадкой.

Аргументы этого рода весьма обычны. На основании общего положения мы заключаем из отсутствия. Отрицательный диагноз врача, когда он из-за отсутствия боли или белого налета в горле заключает, что перед ним не скарлатина и не дифтерит, принад-

лежит к тому же типу; и ввиду полезности второй фигуры для отчетливого выражения таких доказательств, ее можно назвать «фигурой отрицательного диагноза».

Надо заметить, однако, что характер этого рода доказательств всего лучше выяснится, — продолжает Минто, — если большую посылку выразить предложением, «обращенным через противоположение». Врач, на самом деле, заключает из отсутствия симптома; например: «Ни один пациент, не страдающий болью в горле, не принадлежит к больным скарлатиной». А в таком виде доказательство относится к первой фигуре. Следовательно, обращение через противоположение среднего термина получает свое оправдание как действительно полезный процесс.

Но если доказательство хотят основать на положительном термине, или признаке, или необходимом условии, то бывает очень легко впасть в ошибку. Боль в горле — один из симптомов скарлатины, и врач легко может, найдя этот симптом, прийти к положительному заключению. Выражаясь в терминах логики, это значит, что он вывел положительное заключение из посылок второй фигуры:

Все больные скарлатиной чувствуют боль в горле.

Этот больной чувствует боль в горле.

Положительное заключение из этих посылок принадлежало бы к разряду тех, о которых на техническом языке логики говорят: «Не следует» из данных посылок. Таковы все вообще выводы, сделанные на основании наличности только одного из многих необходимых условий», — обобщает Минто [3, с. 199—200].

Рассматривая предыдущий пример Минто, Г. И. Челпанов говорит: «Кто-нибудь утверждает, что данное лицо больно лихорадкой; утверждая это, он производит подчинение. Нам нужно отвергнуть это подчинение. Тогда мы и составляем силлогизм. Таким образом по второй фигуре отвергаются ложные подчинения и именно потому, что одна из посылок отрицательна. Юридические приговоры строятся по этой же фигуре» [1, с. 91].

В наше время разрыв между естественными и гуманитарными науками оказался весьма велик. Но наука — это знание, которое приобретают в процессе образования. А оно, как показывает реальная жизнь, остро нуждается в методологии гуманитаризации. От естественнонаучного знания знание гуманитарное отличается тем, что создает и формирует развернутые аксиологическо-биоэтические нормы. Однако, основываясь в реалиях жизни, оба эти вида знания опираются на теорию познания и логику, которую необходимо изучать и преподавать именно потому, что формаль-

ная логика есть научная дисциплина, которую признают чрезвычайно пригодной для умственного развития учащихся и включают в общеобразовательный курс многих учебных заведений: формальная логика предохраняет от ошибок, от возможных ошибок, и польза ее в том, что она защищает ум от заблуждений (В. Минто) [3, с. 22]; общеобразовательное значение изучения логики основывается на том, что студенты-медики по мере ознакомления с разнообразными формами индуктивных и дедуктивных умозаключений постепенно учатся более критично относиться к своим и точнее обращаться с ними.

В практике изучения и преподавания логики студентам и аспирантам-медикам основополагающим является аспект «опытно-эмпирически схватываемая действительность, осмысливаемая логико-рационалистическими методами». В связи с этим нужно поставить изучение и преподавание этой научной дисциплины на медицинскую основу. Это требует специфицированного изучения и преподавания логики не только как теоретической, но и как практической дисциплины. В этом смысле практика должна быть теорией в действии.

Изучение логики должно быть комплексным. Оно не должно ограничиваться одним лишь теоретическим изучением правил, излагаемых в лекционном материале. Действительное знание логики предполагает не только знакомство с ее правилами, но и умение их применять. Поэтому необходимо, чтобы, изучая и осваивая теорию логики, студенты и аспиранты-медики на семинарских занятиях, на занятиях, называемых «самостоятельной работой», упражнялись в практическом применении логических правил. Для достижения этой цели на лекциях должны рассматриваться примеры, взятые из разных областей знания, а на семинарских занятиях — задачи, которые студенты обязаны научиться решать. Примеры и задачи намеренно берутся легкие и вполне доступные. В этом случае изучение и освоение логики окажется целесообразным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Челпанов Г. И.* Учебник логики: Для гимназий и самообразования. 6-е изд. М., 1911. С. 1—2, 91.
2. *Курбатов В. И.* Логика. Систематический курс. Ростов н/Д: «Феникс», 2001.
3. *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика: Учебник / Пер. с англ.; Под ред. В. Н. Ивановского. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 4, 22, 199—200.

4. *Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г.* Логика: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС-ЛПЕСС, 2001.
5. *Ивин А. А.* Логика: Учебник. М., 2002.

УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО ВРАЧА

Т. И. ГУБА

Кафедра иностранных языков

Структура профессиональной направленности врача, органично включающая в себя профессиональные мотивы, профессиональные интересы и профессиональные цели как движущие силы личности в сфере врачебной практики, детерминируется профессиональными ценностями.

Направленность, интегрируя мотивационную сферу личности, становится важнейшим элементом не только структуры личности, но и структуры врачебной деятельности. Профессиональная деятельность врача выступает как условие усвоения личностью специального опыта и как источник ее развития. Взаимосвязь профессиональной деятельности специалиста-медика и мотивации сопереживания, сострадания, долга, желания облегчить боль другого человека, стремления познать с целью применить знания на благо людям определяет и значимость профессиональной направленности как корректирующего элемента в процессе становления врача.

Организация учебной деятельности в соответствии со структурой профессиональной деятельности является эффективным средством формирования профессиональной направленности личности.

Элементы нацеленности на будущую профессию традиционно присутствуют в содержании различных дисциплин, однако сами по себе они еще не способны создать установку на профессионально ориентированную деятельность. Требования сегодняшнего дня диктуют не эпизодическое вкрапление в учебный материал сведений о будущей профессии, а органичное вплетение в структуру учебного процесса всех учебных дисциплин глобальных проблем по специальности. Крайне необходимо, чтобы студент мог видеть прикладное значение изучаемых дисциплин и их связь

между собой. Каждая из научных дисциплин в медицинском вузе имеет определенный выход в область нравственно-этической проблематики и должна использовать эту возможность в полной мере. Формы и методы воздействия на личность должны быть нацелены на ее внутренний мир, на пробуждение и активизацию сушностных сил человека.

Содержание учебных дисциплин «Латинский язык» и «Иностранный язык» обладает значительным потенциалом в создании необходимых предпосылок для сознательного усвоения студентами норм и принципов медицинской этики и деонтологии. В ходе обучения иностранным языкам следует постоянно создавать ситуации, требующие самостоятельности мышления, постоянно расширять диапазон социальных ролей студента путем введения во все звенья учебного процесса разнообразных форм работы. Для этого учебная информация должна логически перерасти в социально-нравственную проблематику, иметь социально-значимую цель, побуждать студентов к размышлениям о социальной значимости профессии врача, ориентировать на усвоение ее ценностей. Выполнить эти функции учебный материал способен лишь в том случае, если он затрагивает эмоционально-волевую сферу личности студента, ориентирован на будущую профессию.

Так как однозначно ни одна учебная дисциплина не формирует конкретных побудительных установок к активной деятельности, то необходима система мер, определяющих пути научного управления учебно-воспитательным процессом в вузе. И в качестве системообразующего фактора организации учебно-воспитательной работы вуза служит формирование профессиональной направленности личности.

Важное значение в этой системе принадлежит латинскому языку как элементу профессии и незаменимому средству общения медиков. Овладение же иностранным языком позволяет будущим медикам интегрировать в макросоциальное пространство, под которым мы понимаем мировое медицинское сообщество. Латинский язык также является системообразующим фактором в медицинском сообществе, признаком обособления данной социальной группы. Медицинский билингвизм дает возможность студенту обрести лингвистическую свободу в социокультурном пространстве данной профессии и максимально полно интериоризировать ценностные основания профессии врача.

Профессиональная направленность студента-медика проявляется в различных сферах и видах учебно-профессиональной деятельности, которые, в свою очередь, влияют на ее становление и

развитие. Языковая среда при формировании профессиональной направленности специалиста-медика становится дидактической средой в рамках подготовки его в медицинском вузе.

Таким образом, учебно-профессиональная деятельность с целью системного овладения лингвистическим аппаратом медицины является необходимым условием успешного формирования профессиональной направленности будущих медиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулина О. А.* Демократизация образования и подготовка специалистов: проблемы и поиски // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 73–78.
2. *Каган В. И., Сычеников И. А.* Основы оптимизация процесса обучения в высшей школе. М., 1987.
3. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М., 1996. С. 308.
4. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 304.
5. *Найн А. Я.* Инновации в педагогике профессионального обучения. Челябинск, 1994. С. 61.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

А. В. ПЕТРОВ, А. Э. ПОПЛАВСКИЙ
Кафедра истории и культурологии

В современном мире мы наблюдаем утверждение прав человека в качестве основной правовой доминанты как международных отношений, так и правовой социальной базы цивилизованных государств. В то же время сложности утверждения этой новой концепции совершенно очевидны. После принятия в 1948 г. Декларации прав человека ООН, несмотря на работу многих научных центров, занятых исследованием этих проблем, огромное количество конференций, публикаций, дискуссий самого разного уровня, даже теоретическое осмысление данной концепции представляется весьма различным, не говоря уже о претворении ее в жизнь. Сегодня в цивилизованном мире сложно найти противников прав человека, но, к сожалению, по-прежнему отсутствует достаточно четкое представление об этих правах. Мы редко задумываемся о том, что утверждение этой концепции на практике требует изменения не только политики, всех сфер социальных отношений, но и стереотипов мышления миллионов людей. Нам

представляется, что наиболее важным в этом процессе является изменение как социального статуса, так и сознания, и поведения представителей наиболее значимых в социальном плане профессий: медицинских работников, учителей и сотрудников правоохранительных органов.

Следуя современной концепции «опережающего» характера образования, мы считаем необходимым изучение концепции прав человека в медицинском вузе. Практически каждая профессиональная подготовка — это подготовка человека к жизни в обществе. И, прежде всего, человеку необходимо знать свои права и обязанности, понимать социальную значимость своей профессии. К сожалению, при обучении будущих врачей этому далеко не всегда уделяется внимание. Чаще всего в процессе обучения преподаватели ограничиваются вопросами юридической регламентации врачебной деятельности. Подобный подход не дает положительных результатов и приводит к росту количества судебных исков, связанных с нарушением прав как пациентов, так и врачей. Совершенно очевидно, что при построении правового государства осмысление гражданами страны своих прав и обязанностей является той основой, которая ведет к созиданию гражданского общества. Значение правовой подготовки медицинских работников в этом контексте переоценить сложно, так как работа медика ежеминутно связана с обеспечением основных конституционных прав человека — права на жизнь и охрану здоровья. Неосознанный, подчас интуитивный характер понимания этих прав несет в себе элементы социальной энтропии и чаще всего приводит к нигилизму и анархии.

Какую именно концепцию прав человека нужно изучать в медицинском вузе?

Вопрос не риторический. Слишком много споров вокруг идеи прав человека и слишком много спекуляций в этом вопросе. Так, если мы считаем, что чеченские террористы нарушают права человека, то СБСЕ в течение ряда лет пытался доказать, что права человека в Чечне нарушают федеральные войска. Другой пример. В ряде стран, где официально разрешено прерывание беременности, эта норма рассматривается как обеспечение права родителей иметь или не иметь ребенка. А там, где аборт запрещен, эта норма рассматривается как защита прав неродившегося человека. Кто прав?

Подобных ситуаций слишком много, чтобы можно было охарактеризовать их все. Поэтому вопрос о выборе концепции является спорным. Мы считаем, что в неюридических вузах, где пред-

полагается непрофессиональное знакомство с теорией права, целесообразно не останавливаться на изучении каких-то конкретных законодательных положений, а включить информацию по правам человека в обязательные курсы гуманитарных дисциплин. В то же время резкое сокращение (с 25 до 15%) доли гуманитарных наук в медицинских вузах, что противоречит не только решениям Международной медицинской комиссии по медицинскому образованию, но и решениям Всемирной организации здравоохранения, не позволяет в медицинском вузе ввести отдельный курс правоведения. Наш опыт показывает, что оптимальным здесь является преподавание не в курсе судебной медицины, как это зачастую делают, а с курсом истории или философии (в зависимости от календарных сроков). При этом предполагается ознакомить студентов с основными положениями общей теории права.

Как это реально можно осуществить?

Изучение правоведения в курсе истории, материал которого является фактологической, методической и, в определенной мере, методологической базой для изучения теории прав человека, осуществляется путем как хронологического дискурса с выделением правовых моментов истории различных государств, так и через преподавание мировой истории в русле цивилизационного подхода через анализ взаимосвязи уровней экономического, социального и политического развития. При этом обязательными для усвоения мы считаем следующие содержательные блоки.

Во-первых, право в узком смысле есть общеобязательная социальная норма. Человечество столкнулось с проблемой прав при переходе к аграрной цивилизации в результате неолитической революции и перехода к оседлому образу жизни, что привело к имущественному расслоению. Иными словами, понятие права возникло при переходе от первобытно-общинного строя к рабовладельческому. В тот период у общества возникла проблема права как необходимости систематизации социальных норм, отражающих стремительно развивающееся неравенство. Спецификой любого права является принцип абстрактного формального равенства людей. Представления о врожденных, неотчуждаемых правах людей лежат в основе любого права. Усиление личностного начала мы находим еще в поэмах Гомера и Гесиода.

Право возникло около четырех тысяч лет назад. Именно тогда человечество стало задумываться о «высшей божественной справедливости». Несколько позже у мыслителей Древней Греции появилось и понятие «право». Уже у Солона в его стихосложении упоминается также понятие «закон». Два эти понятия легли в

основу полисного права греков. Изначально (начиная с рабовладельческого строя) правовой язык был примитивен, то есть не было разделения на виды права. Они были объединены в единый правовой документ. Действовал принцип «талиона»: «око за око, зуб за зуб». Принцип талиона, или кровной мести, господствовал при родоплеменной организации и был центром так называемого обычного права, т. е. правовых отношений, построенных на обычае. Вместе с развитием правовых отношений идет длительный процесс ограничения этого обычая через правовое его регулирование. Этот процесс в историческом контексте мы наблюдаем со времени законов Хаммурапи до периода «варварских правд», включая «Русскую правду».

В период рабовладельческих цивилизаций, и особенно в период античности, философы поставили вопрос о личном достоинстве человека, но права человека, как и его достоинство, определялись его положением в общественной иерархии. Так, Платон, выделяя три социальные группы греческого общества, не считая рабов людьми, их не затрагивал. При Ликурге за убийство раба полагалось уплатить штраф в два раза меньше, чем за убийство свободного гражданина. Права женщин тогда тоже были минимальны. Так, за измену жену карали строже, чем мужа. Лишь жрицы ввиду особого положения были освобождены от мужской опеки. Подобные пережитки до сих пор имеют место не только в некоторых слаборазвитых странах, но и на бытовом уровне в странах вполне цивилизованных, которые де-юре давно провозгласили концепцию прав человека основой своей политической и социальной жизни.

Рабовладение, как и любая правовая система, не было символом лишь одной эпохи. Так, в США рабство было отменено лишь в 1865 году. Впрочем, США вообще держава особая. Здесь рабство просуществовало вплоть до эпохи промышленной цивилизации и развитого (классического) капитализма.

Во-вторых, принято считать, что критика средних веков деятелями Возрождения как «темных веков» являлась явным преувеличением. Конечно, и в средние века прогресс в технике, в развитии социальных отношений (например, замена рабовладения феодальными отношениями) шел, хотя и крайне медленно. Что касается «прав человека», то это действительно были «темные века». Господство религиозного мировоззрения априори каждого человека превращало в раба божьего, грешника, на котором лежит проклятье и ответственность за первородный грех. Строгая словесная иерархия средневековья на основе ленно-вассальных от-

ношений закрепляла неравенство даже перед лицом Господа. Церковь, взяв на себя функции посредника между богом и людьми, на практике постоянно стремилась встать над государством. Вместе с тем, являясь крупнейшим собственником земли, она укрепляла феодализм и его устои, формируя соответствующую идеологическую парадигму. Инквизиция была борьбой за соблюдение не столько церковных, сколько государственных интересов. Роль ее была огромна, папа мог отлучить от церкви любого, даже главу государства.

Все изменилось в период Реформации. Мартин Лютер поколебал церковные устои, и право обратилось к человеку, а не к богу. Впрочем, укрепление светской власти в государствах привело к ослаблению папства и до этого. В отличие от раба, который имел мало шансов стать свободным, вассал заключал договор с сюзереном и, в случае накопления средств, переставал быть вассалом. Обычай окончательно уступил место закону. Если раб не только не имел прав, не признавался человеком, а отождествлялся с вещью, то в эпоху феодализма вассал имел некоторые личные права, в частности право на личную собственность. Тогда как рабовладельческие государства были в основном тоталитарными, при феодализме богатые феодалы могли оказывать большое влияние на правителя.

В-третьих, следующий прорыв начинается в начале XVII в., во время перехода от феодализма к капитализму. В буржуазном обществе появляются вполне современные подходы и совсем другие взаимосвязи в правовой сфере.

Ныне государства делятся на: авторитарные и тоталитарные, где свободы слова не может быть по определению, хотя она нередко декларируется; и демократические, где, Впрочем, «власть народа» тоже лишь власть большинства. Несовершенство объясняется закрепощенностью личности в рамках общества. Право и государство едины, одно не может существовать без другого.

Первая буржуазная революция произошла в XVI в. в Голландии, когда буржуазия только нарождалась. Первые документы, в которых утверждались права человека, были приняты в конце XVIII в., в эпоху Просвещения. Во-первых, это «Билль о правах» как лозунг и итог войны США за независимость, во-вторых, в 1789 г. в революционной Франции «Декларация прав человека и гражданина», на основе которой строится вся современная концепция прав человека. Падение Бастилии стало символом освобождения. Закладывались подлинные права и свободы личности. Концепция «естественных» прав человека, которые при-

надлежат каждому по рождению, стала центром мироощущения нового человека. К людям пришло, пусть и ненадолго, ощущение свободы.

Провозглашение священности мирской, а не только загробной жизни стало одним из символов отнюдь не бескровной победы не столько протестантизма над католицизмом, сколько капитализма над феодализмом. Буржуазные революции положили начало построению демократических обществ.

Таким образом, права человека — это категория конкретно-историческая. Это своего рода объем благ, привилегий, условий жизни, деятельности, определяемых положением личности в системе материального производства. Прогресс общества возможен только с получением на каждой новой ступени развития новых свобод. Таким образом, человек при феодализме свободнее человека рабовладельческого общества, и так происходит с появлением каждой новой формации. В условиях одной и той же формации могут существовать различные отношения к правам человека. В правовом равенстве присутствует признание свободы субъектов права. Принцип равной свободы носит всеобщий характер. Права человека предусматривают круг лиц, связанных определенными отношениями. Гуманистические тенденции, отчетливо проявившиеся в конце века, разделили мир на правовой и тоталитарный.

Права человека совершенствуются вместе с совершенствованием технологий. Ныне появляются новые свободы, обусловленные развитием информационной революции. Как мы видим, право является категорией конкретно-исторической. Подведем некоторые итоги вышесказанного. Первобытное общество содержало мононормы. Мононормы сообщали основные положения о добре и зле. Сам факт возникновения норм свидетельствует о прогрессе человечества. Права же человека возникли в полисной форме рабовладения. Степень и характер развитости прав человека отражает уровень развития общества.

Если в древности примитивный правовой язык не разделял право на отрасли, то позже произошло разделение: уголовное и гражданское, затем произошло отделение конституционного, семейного, авторского прав и т. д. Но во всех подразделах права мы встречаем апелляцию к правам человека.

Права человека и права гражданина. Права гражданина охватывают отношения индивида с государством. Статус гражданина вытекает из института гражданина. Обязанности не снижают его правовой статус. Права человека в период буржуазных рево-

люций ассоциировались с индивидуализмом экономической свободы. Дальнейшее развитие показало, что человек не может быть свободен от общества. Любое государство должно признавать свободу человеческой личности, а личность — выполнять законы государства. Государство юридически оформляет права личности, а набор прав обуславливается уровнем экономического развития общества. Права человека есть его субъективные права, то есть реальные.

Права человека делятся на группы. Первая группа — это естественные права. Вторая — права гражданские, то есть ценности, предоставляемые государством. В реализации коллективных прав есть принцип: их осуществление не должно нарушать прав и свобод индивида.

Позитивистский подход предусматривает рассмотрение прав человека как «дар» государства. В современном мире позитивистский подход не должен устраняться от вопросов нравственности, ибо такой подход к правам человека позволяет использовать его тоталитарным режимам. В развитых странах противостояние естественного и позитивистского подходов в вопросах прав человека во многом снимается благодаря исключению насилия из государственной практики. Поэтому естественный и позитивистский подход не выступают как антиподы. Государства, признающие естественный подход, отнюдь не исключают его позитивного оформления. Вместе с тем, не находя закрепления в позитивном законодательстве, права человека выступают размыто, что затрудняет их защиту со стороны государства.

Приоритеты свободы, права человека являются высшей культурной ценностью, так как ставят в центр личность. Именно естественный подход лежит в основе современных концепций о правах человека. В последнее время широко обсуждается право на смерть, то есть добровольный уход человека из жизни. Право это по своей сути антиобщественно. С другой стороны, бывают ситуации, когда человек, добровольно прерывая свою жизнь, хочет избавиться от страданий. Ситуация спорная? Но право на смерть такое же естественное, как и любое другое.

Так о каких же правах человека можно и нужно рассказывать студентам медицинских специальностей?

- Право на жизнь.
- Право на смерть.
- Право на свободу слова.
- Имущественные права.

- Право на свободу вероисповедания.
- Право на охрану здоровья¹.

В предложенном выше смысловом порядке эти права рассматриваются в конкретно-историческом контексте, присутствует корреляция с изученным историческим материалом. Такая система эффективна на первых курсах (1—4-й семестры).

Изучение теоретических основ прав человека на более старших курсах целесообразно связать с изучением социальной философии. Какие проблемы здесь являются основными?

1. Вопрос о правах человека представляется достаточно абстрактным до тех пор, пока не будет введен в рассмотрение субъект, предоставляющий эти права, то есть государство. С другой стороны, сами права можно рассматривать в системе «человек — государство» только как оборотную сторону обязанностей. Другими словами, личность имеет права, которые предоставляются ей государством. Это для государства обязанность. Но и у него есть права. Они, в свою очередь, являются обязанностями личности. Таким образом, консенсус достигается в субъектно-объектных связях путем их диалектизации и «усреднения», то есть достижением такого соотношения прав-обязанностей личности и государства, которое обеспечивало бы выживание и развитие и того, и другого.

2. Во многих обществах и государствах современного мира законность, как известно, слаба. В подобных государствах весьма вероятно возникновение жестоких кризисов, обусловленных слабостью убеждения в законности политической власти, если в период изменения строя угрозе подвергается статус главных традиционно значимых групп и не все главные группы в обществе получают доступ к политической системе в переходный период или, во всяком случае, когда они выдвигают свои политические требования. Для того чтобы выработать законность, новая система должна на протяжении долгого времени оправдывать экспектации главных групп (на основе «эффективности») с тем, чтобы они приобрели твердое доверие к «правилам игры», в соответствии с которыми функционирует новая система, и стали принимать их как должное.

¹ Отметим, что современная практика преподавания медицинского права на кафедрах судебной медицины приводит к уходу от права гражданского к праву уголовному, что само по себе извращает правовое воспитание медицинских работников, так как создает иллюзию, что если в уголовном и профессиональном законодательстве отсутствуют наказания за те или иные профессиональные деяния, то они законны и допустимы.

Совершенно очевидно, что наилучшим способом избежать политических трений можно при легализации основных структурных изменений при сохранении традиционной законности в политических институтах.

3. Люди большинства стран мира просто хотят хорошо жить, хотя еще есть место героическим надеждам, жертвенности и борьбе. Теоретики уже не могут предложить идеально чистой модели, в которой эти желания могли бы игнорироваться. Глубокое разочарование в монистических моделях привело к появлению в западной литературе темы «хорошего общества». У нас этой проблемой занимается В. Т. Федотова (Хорошее общество // Философские науки. № 1—2. 1999). В ее исследованиях дается эмпирический набор черт, без которых общество не может быть названо хорошим. «Хорошее общество» — это не реальность, а теоретический инструмент для рассуждения о достижениях человечества в социальной сфере и их концептуализация на уровне эмпирических обобщений. Перед лицом неспособности социальных наук ответить на сегодняшний вызов, а так же на коммуитаристский поворот на Западе и либеральный у нас (к нашему особому либерализму без справедливости), возможно, это единственное, что могут сейчас делать ученые [1].

Таким образом, методологические основания концепции прав человека вряд ли могут быть объяснены (истолкованы) путем анализа типа и формы государственного устройства, поскольку два этих явления не связаны друг с другом, если только их специально не связывают в политических дискурсах. Следовательно, идея «хорошего» общества — это тот же тупик, к которому приходят теоретики прав человека. Что такое «хорошо» и что такое «плохо»? В каждой социальной системе свои критерии оценки, поэтому различны и представления самих людей о том, какими правами и как они хотели бы обладать, каковы возможности удовлетворения этих прав. Поэтому нужно говорить не о хорошем обществе, а просто о каждом конкретном государстве.

4. Поскольку государство, декларируя права человека, представляется только вероятностным их гарантом, встает вопрос о более общем основании, на котором желаемые права могли бы быть классифицированы, объяснены (признаны законными) и обеспечены. Естественно, возникает проблема общественной системы, социально-политического строя и т. п. В то же время формационный подход отчасти исчерпывается анализом государственного устройства, поэтому необходимо метаоснование, которое

даст возможность применить цивилизационный подход в хроно-типическом его варианте.

5. Появление постмодернистского (контекстуального, коммуитаристского) подхода в юридических и политических науках соответствует новым типам юридической и политической практики. Именно потому и можно говорить о постмодернистском дискурсе в этих науках, что термин «дискурс» характеризует не просто высказывание, а высказывание, погруженное в реальную жизнь. В реальной политической и юридической практике осуществляется переход к групповым правам (часто в ущерб индивидуальным или без учета универсальной значимости последних) и к акциям, поддерживающим группы, которые находятся в более плохом положении, чем остальные. Так, в США имеется программа аффирмативных (поддерживающих) акций в отношении афро-американского населения, оказывающая ему разного рода помощь, предоставляющая льготы и квоты, например, при поступлении в университеты и на работу [2].

6. Все противники перевода проблем с индивидуальных прав на права группы показывают, что групповое равенство — это скорее субстанциальные социальные условия, чем индивидуальное право. В конце концов, поддержка движения рас против дискриминации возлагает вину на государство, предоставляющее всем гражданам формально равное право, трактует его как государство белых, враждебное к цветному населению, и провоцирует межрасовые конфликты. Многие критики новой практики или теории считают, что смысл аффирмативных акций состоит в преодолении несправедливого неравенства, а не в обеспечении квот или пропорционального представительства. Это отступление от проблем свободы в пользу проблем блага они считают злом [3].

Мы так подробно останавливаемся на этой проблеме, поскольку в несколько видоизмененной форме она существует и у нас, но не на уровне расовых, а на уровне этнических групп. Более того, выскажем мнение, что, если по мере продвижения к постиндустриальному обществу государство не изменит форму своего устройства — не станет из национально-территориального административно-территориальным, — мы на уровне этносов столкнемся с теми же проблемами. Поэтому имеющийся в мире опыт может очень пригодиться.

7. При переходе к постиндустриальному обществу отмечаются по крайней мере две закономерности:

- Переоформление концепции прав человека в концепцию прав групп, несмотря на декларирование принципов индивиду-

лизма как основополагающих для информационного общества. На практике оказывается, что они актуальны именно для общества современного. Эта тенденция ведет к латентным нарушениям прав человека, поскольку никогда не существовало и не может существовать полной идентификации индивида и группы. Кроме того, единицей человеческого сообщества является человек, а не группа. Следовательно, права групп не могут гарантировать права личности. В то же время гарантия прав групп обеспечивает лучшие условия для выработки гарантий прав человека.

- Политологические и юридические обоснования прав групп нужны, но они недостаточны для принятия законов. А поскольку объясняющей правовой концепции в этом плане пока нет, постольку эклектизм и отрицание универсальности в постмодернистском дискурсе не могут быть признаны таковыми.

Россия пока не столкнулась с этими, типично западными проблемами, но скоро столкнется. Сможет ли она предложить концептуальное решение в вопросе о соотношении прав групп и прав человека, отличное от неэффективного западного и одновременно учитывающее национальную специфику? На этот вопрос пока нельзя ответить однозначно. Он особенно важен в медицине, поскольку здесь имеются свои особенности реализации прав индивида.

Так, законодательство предусматривает защиту прав пациентов именно как группы, в то время как на практике дисперсия ожиданий оказывается шире, чем предусмотренное законом правовое поле. Это выявляется при получении информированного согласия в биомедицинских исследованиях с участием человека, в судебно-медицинской экспертизе, в оригинальной трактовке соблюдения принципа конфиденциальности врачами, средним медперсоналом и пациентами и во многих других случаях.

Противоречие между правами групп, которые гарантирует государство, и правом конкретного страдающего индивида, которое может не совпадать с юридически оформленным «разрешением на свободу», постоянно воспроизводится в медицине. Поэтому в преподавании концепции прав человека абстрактно-юридический подход крайне нежелателен.

Отсюда — методика преподавания. Она должна строиться по принципу «от общего к частному», а не наоборот. Главным ее отличием является применение социологического метода изучения случаев. Поэтому наиболее желательным является участие в преподавании специалиста по правам человека и специалиста в области медицины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bluhm W. T.* Theories of the Political System. Classics of Political Thought and Modern Political Analysis. Prentice Hall, 1978.
2. *Berger P.* Sociology: A Disinvitation? // *Society*. 1992. Vol. 30. No. 1. P. 16.
3. *Федотова В. Г.* Анархия и порядок в контексте современного посткоммунистического развития // *Вопросы философии*. 1998. № 5. С. 3—20.

ВИДЫ КОМПЕТЕНЦИЙ, ФОРМИРУЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

М. В. ФРОЛОВА, В. В. ЖУРА

Кафедра иностранных языков

Сегодня в начале XXI в., века генетики и научно-технического прогресса, трудно представить себе, что все еще где-то применяется древняя латынь. Часто при изучении курса латинского языка возникают вопросы: откуда пришел к нам этот язык, где он применяется и почему латинский язык, относящийся уже много лет к числу «мертвых языков», продолжает оказывать активное воздействие на развитие научных языков медицины и биологии?

Удивительная судьба выпала на долю латинского языка. Начав свою историю как язык небольшого племени латинян в низовьях Тибра в Италии, он со временем стал языком научного общения. И действительно, латинский язык — это язык, используемый в профессиональной коммуникации всеми медиками мира. Рецепт, написанный английским врачом, прочтет врач Индии, России, Мексики и Анголы. Не случайно и в наши дни, и в средневековье, и в глубокой древности синонимом слова «врач, медик» (*medicus*) является уважительное слово «доктор», т. е. *doctor, doctus* — ученый, образованный человек [1].

Латынь в медицине традиционно используется как международная терминология анатомии и фармакологии, а также при составлении рецептов. Древняя традиция использования латинского языка в медицине служит объединяющим фактором для медиков всего мира и для унификации медицинского образования. Еще совсем недавно большинство медицинских сочинений писалось на латыни. На латинском языке писали великий русский хирург А. И. Пирогов, известный фармаколог И. Е. Дядьковский. И в

наши дни медиков, давших клятву Гиппократу, объединяет латинский язык, на котором пишутся научные труды и прописываются лекарства.

Современный профессиональный язык врачей и фармацевтов — продукт многовекового развития мировой медицины и фармации. Словарное богатство древнегреческого и латинского языков явилось для терминологии почти всех без исключения наук основным строительным материалом при создании многих сотен тысяч терминов. В формировании русской научно-естественной (в том числе и медицинской) терминологии огромная заслуга принадлежит М. В. Ломоносову, написавшему множество трудов на латинском языке. Все международные анатомические и гистологические названия, подобно ботаническим, зоологическим, микробиологическим, составлены целиком на латинском языке, на основе его алфавита, фонетики и грамматики. В профессиональном языке медика в любой стране мира некоторые специальные выражения употребляются только на латинском языке (*in vivo* — на живом организме, *per os* — через рот, *per se* — в чистом виде и т. д.). Все части человеческого организма имеют либо латинские названия, либо названия латинизированные. То же самое относится к названиям лекарств; в этой области унификация особенно важна, так как без нее невозможно ориентироваться в огромном количестве лекарственных препаратов [2].

Таким образом, медицинская научная терминология относится к области интернациональной лексики. Эта лексика должна быть одинаково понятна специалистам всего мира, которые работают в данной области.

Для подготовки грамотного специалиста, владеющего терминологическим аппаратом в области медицины, необходимо изучение основ латинского языка студентами медицинских и фармацевтических вузов.

В этой работе считаем необходимым остановиться на тех видах знаний, которые студент непосредственно получает на занятиях по изучению латинского языка и основ медицинской терминологии. Для этого представляется интересным рассмотреть точку зрения В. В. Богданова, который разграничивает энциклопедические и лингвистические знания. Первые отражают устройство реального мира и других возможных миров. Лингвистические знания относятся к устройству языка. Вслед за В. В. Богдановым знания мы рассматриваем как информацию или совокупность сведений, с которыми можно производить те или иные операции. Способ-

ность же обучающихся оперировать этими знаниями В. В. Богданов предлагает называть компетенцией [3].

Неоднородность знаний, приобретенных во время обучения иностранному языку, в том числе латинскому, отражается и на характере формируемой компетенции. В настоящее время принято выделять коммуникативную и экзистенциальную компетенции [4].

Виды коммуникативной компетенции:

- 1) языковая;
- 2) социолингвистическая;
- 3) прагматическая.

В связи с целями нашего исследования в данной статье мы подробно рассмотрим *языковую* компетенцию, в которой выделяют следующие составляющие:

- 1) лексическую;
- 2) грамматическую;
- 3) семантическую;
- 4) фонологическую.

Формирование лексической компетенции является одной из важнейших задач в процессе подготовки грамотного специалиста, владеющего профессиональным грамматическим аппаратом. «*Под лексической компетенцией* понимаются знания и способность использовать словарный состав языка, состоящий из лексических и грамматических элементов» [4].

Запоминание слов и их лексико-грамматических особенностей — одна из важнейших составных частей занятий по латинскому языку. К концу обучения лексический минимум студента должен составить около 900 слов и терминологических элементов. Слова для запоминания даны в лексических минимумах после каждого занятия. Лексический минимум состоит из наиболее важных слов, представленных в словарной форме. Данные лексические единицы необходимы для выполнения упражнений и составления терминов. Отсутствие в лексических минимумах всех слов, используемых в упражнениях, дает возможность приобрести навыки работы со словарем.

Важную роль в процессе освоения латинского языка и основ медицинской терминологии играет и формирование грамматической компетенции, под которой понимают знание и умение использовать грамматические средства языка.

Чтобы уметь правильно составлять и активно пользоваться медицинскими терминами, необходимо ознакомиться с системой

склонений существительных и прилагательных, т. е. тех частей речи, которые составляют основу медицинских терминов. Студенты также должны иметь представление о грамматических категориях глагола, спряжении, наклонениях, способах словообразования, а также о синтаксисе именного словосочетания.

В создании грамматически правильных и значимых терминов важная роль отводится фонологической компетенции, которая включает в себя знания и умения восприятия и воспроизведения звуковых единиц фонологического уровня языка, знания правил словообразования и слогоделения, а также правил постановки ударения.

Цели изучения латинского языка в медицинском вузе не ограничиваются формированием языковой компетенции. Важным компонентом обучения данного предмета является формирование социокультурной компетенции, которая предполагает не только приобретение лингвистических знаний, но и аккумуляцию всех экстралингвистических знаний и представлений, формирующих понятия о системе ценностей, выразителем которых является латинский язык (крылатая латынь). Именно в этом состоит культурно-образовательное значение курса латинского языка и основ медицинской терминологии.

Изучение латинских афоризмов, высказываний античных писателей, философов, ученых позволяет не только расширить кругозор, но и соприкоснуться с историей и культурой Древнего Рима. Некоторые латинские афоризмы и изречения касаются вопросов жизни и смерти, здоровья больного, поведения врача или представляют собой медицинские деонтологические заповеди:

Primum noli nocere! (Прежде всего — не навреди!)

Diagnosis bona — curatio bona! (Хороший диагноз — хорошее лечение!)

Изучение латинского языка для будущих врачей — это способ самовыражения и идентификации с определенной социальной группой, который позволяет в дальнейшем занять определенную нишу в социокультурном пространстве.

Наряду с приобретением лингвистических знаний у студентов формируются фоновые экстралингвистические знания о строении человека (анатомио-гистологическая терминология), о диагностике и методах лечения заболеваний (клиническая терминология), о составлении и адекватности истолкования рецептов (фармацевтическая терминология). Вся информация подобного рода входит в структуру так называемой **экзистенциальной** ком-

петенции. В дальнейшем эти знания будут дополнены в результате изучения специальных дисциплин и использованы при обследовании больных, при составлении истории болезни, а также при лечении пациентов. Полученные языковые знания будут использованы как интегрирующий фактор для представлений в такой профессиональной области, как медицина.

Еще одним интересным применением латинского языка и основ медицинской терминологии является тенденция к латинизации русского языка, используемого в сфере профессионального общения врачей. Путем заимствования огромного количества латинских слов и ассимиляции их в системе русского языка был создан новый язык, представляющий собой терминологический аппарат медицинской науки и имеющий языковые тривиальные эквиваленты в составе русского языка.

Одной из функций подобного языка является уменьшение негативного эффекта, вызванного сообщением о диагнозе заболевания при общении врача и пациента, что продиктовано врачебной этикой.

Анализ содержания занятий по латинскому языку и основам медицинской терминологии дает представление о многоаспектности знаний, навыков и умений, развиваемых во время обучения. Все это находит отражение и в видах компетенции, формируемых на занятиях по латинскому языку.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что медицинская терминология является академическим языком профессионального повседневного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подосинов А. В., Щавелева Н. И. Введение в латинский язык и античную культуру. М.: Прогресс, 1994.
2. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии. Москва, 1997.
3. Богданов В. В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство. Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 26—31.
4. *Современные языки: изучение, преподавание, оценка* // *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Проект по культурному сотрудничеству / Комитет по образованию.* Страсбург, 1996.

ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ — ЛИМИТИРУЮЩИЙ ФАКТОР БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Б. МАНДРИКОВ, В. В. НЕУМОИН
Кафедра физического воспитания и здоровья

Основную массу студентов, обучающихся в вузах, составляют молодые люди в возрасте 18—25 лет, для организма которых характерны специфические анатомо-физиологические особенности. Студенческая молодежь, как никакая другая социальная группа, подвергается воздействию большого количества факторов риска. Студенты чаще, чем их сверстники из других социальных групп, страдают различными, нередко сочетанными, болезнями [1], причем количество заболеваний в период их обучения в вузе постоянно растет [2, 7, 19, 39]. И функциональный возраст студентов, по данным В. В. Пономаревой [22], не соответствует паспортному и находится в диапазоне 30—40 лет.

Низкие адаптационные возможности систем организма или нарушения, возникающие в деятельности регуляторных механизмов, приводят к тому, что к концу учебного года у таких студентов увеличивается число неадекватных психоэмоциональных реакций. Кроме того, у них нарастает частота асоциальных психопатоподобных реакций, а к соматической патологии добавляются болезненные ощущения психогенного характера, развивается глубокая дисгармония, чувство подавленности.

Увеличение потока информации, необходимость ее переработки в короткие сроки, применение разнообразных технических средств обучения влекут за собой постоянную интенсификацию учебного процесса в вузах. Это приводит к существенному сокращению объема свободного времени у студентов [9].

Чрезвычайно напряженная умственная деятельность и прогрессирующая с каждым годом гиподинамия приводят к тому, что показатели функционального состояния систем организма и физической работоспособности студентов существенно снижаются от младших курсов к старшим. Эта ситуация еще более осложняется и тем, что в рейтинге ценностей у студентов здоровье занимает весьма скромное место [3, 5].

В еще большей степени эти проблемы обостряются у многочисленного (более 200 тыс. человек) контингента студентов медицинских вузов. Занятость учебными делами у них превышает занятость студентов в вузах других профилей [11, 16, 17, 26].

Специфика профессиональной необходимости непосредственно-го контакта с больными вне зависимости от времени суток предъявляет повышенные требования к состоянию здоровья и физической работоспособности студентов-медиков.

Функциональное состояние и физическую подготовленность студентов медицинских вузов изучали многие авторы [11, 13, 23, 32, 43, 46]. По этому вопросу мнения их в основном сходятся.

За последние 22 года длина тела у 17-летних юношей увеличилась в среднем на 0,91 см, окружность грудной клетки в паузе на 0,27 см. Другие же показатели заметно снизились: масса тела на 1,75 кг, ЖЕЛ на 322 мл, становая сила на 4,75 кг. Весоростовой показатель (индекс Кетле) с 395,7 г/см уменьшился до 383,8 г/см, жизненный индекс с 69,4 мл/кг снизился до 66,4 мл/кг, индекс Эрисмана с +1,18 см до 1,0 см.

У 18–20-летних юношей увеличение роста (на 1,74 см) не является статистически достоверным. Остальные же параметры физического развития у них снизились: масса тела на 1,82 кг, окружность грудной клетки на 1,36 см, ЖЕЛ на 422 мл, становая сила на 10,5 кг. Весоростовой показатель с 392,2 г/см уменьшился до 380,9 г/см, жизненный индекс с 68,2 мл/кг снизился до 65,3 мл/кг, индекс Эрисмана с +1,95 см до +0,04 см, что свидетельствует об отставании в развитии грудной клетки от роста [35].

У 17-летних девушек за последние 22 года длина тела в среднем увеличилась на 2,06 см, окружность грудной клетки на 1,29 см, ЖЕЛ на 630 мл. Обращает на себя внимание выраженное (на 4,12 кг) уменьшение массы тела. Становая сила не изменилась, весоростовой показатель с 376,6 г/см снизился до 349,5 г/см. Вместе с тем произошло незначительное увеличение индекса Эрисмана (с +1,05 до 1,31 см) и жизненного индекса, причем увеличение последнего обусловлено резким снижением массы тела у обследованных в 1999 году.

У 18–20-летних девушек длина тела увеличилась на 1,68 см, а масса тела снизилась на 4,22 кг. Общая масса тела снизилась на 5,07 кг, активная — на 1,61 кг, что составляет 31,75% от общего снижения массы [35].

Анализ изменения физической подготовленности, физического развития и здоровья студентов за последнее десятилетие (1989—1999) выявил сокращение числа относительно здоровых молодых людей с 80 до 60%.

Снизилась результаты у девушек в челночном беге, в беге на 100 м, прыжках в длину с места, силовом нормативе и в беге на

2000 м. У юношей ухудшились результаты в беге на выносливость, прыжках в длину с места, челночном беге [36].

Неврозы, заболевания ЦНС у студентов встречаются довольно часто и обусловлены тем, что образ жизни у них носит стрессовый характер [10, 31, 44]. Авторы отмечают наличие большей частоты заболеваний у студентов младших курсов, особенно первого, по сравнению со студентами старших курсов [4, 37].

При поступлении в медицинские вузы допуски в состоянии здоровья значительно шире, чем при поступлении в вузы других профилей обучения. В связи с этим в медицинских вузах более высокий процент студентов, имеющих значительные отклонения в состоянии здоровья [12, 24].

Почти каждая третья студентка I курса имеет избыточный вес, около 16% юношей и 4% девушек имеют повышенное артериальное давление [14].

Анализ результатов выполнения контрольных тестов показал, что 32% юношей и 36% девушек не выполняют зачетных требований по двум и более показателям [3].

У первокурсников Витебского медицинского университета обнаружено: «предболезнь» у 29%, низкий уровень здоровья у 40%, недостаточный у 26% и лишь у 5% — безопасный уровень здоровья [33].

Студенты с отклонениями в состоянии здоровья и физического развития составляют от 30 до 60%. Эта величина имеет устойчивую тенденцию нарастания от младших к старшим курсам [15, 41, 42].

Анализируя заболеваемость студентов медицинских вузов, ряд авторов отмечают, что наибольший удельный вес среди заболеваний падает на ангины, острый катар верхних дыхательных путей, грипп. Образ жизни у 42,4% носит стрессовый, а у 29,8% отчасти стрессовый характер. Этим объясняется, что сердечно-сосудистая патология составляет 58%, периферической нервной системы — 30%, фактор риска ишемической болезни сердца имеется у 55% обследованных студентов, снижение аутоиммунного статуса — у 28,4%. Обращает на себя внимание тот факт, что девушки пользуются медицинской помощью значительно чаще, чем юноши [2]. Около половины студентов, обращающихся за медицинской помощью, имеют хроническую форму заболеваний.

Исследование физического развития и функционального состояния студентов 1-го курса Ростовского медицинского университета и Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова выявило значительное число студентов, имеющих физическое

развитие «низкое» и «ниже среднего». У студентов-медиков нередко обнаруживаются гипертонические и гипотонические типы реакций на функциональные пробы.

Физическая подготовленность студентов первого курса медицинских вузов значительно уступает студентам технических вузов и университетов [33]. Ряд авторов [32, 36, 39] указывают на то, что более половины студентов при сдаче исходных контрольных нормативов по физическому воспитанию получают неудовлетворительные оценки.

В период обучения в медицинском вузе, по данным ряда авторов, отмечается ухудшение показателей общего функционального состояния организма и физической подготовленности [16, 47].

Состояние здоровья студентов в конечном итоге определяет их трудоспособность после окончания вуза. На необходимость учета этой стороны проблемы указывают работы Е. В. Харламова, О. К. Грачева [38], Т. В. Рудевой, В. Г. Каталетдинова, К. А. Миргородского [27] и др., показывающие неудовлетворительное состояние здоровья и трудоспособность медицинских работников.

Анкетирование врачей-стоматологов показало, что заболевания, которые они квалифицируют как профессиональные, возрастают с ростом профессионального стажа и усугубляются побочными заболеваниями [6].

Из наиболее распространенных заболеваний врачей-стоматологов — гепатит, гастрит, варикозное расширение вен, остеохондроз, снижение зрения, бронхит, ангина и пр. Более 35% врачей-стоматологов связывают эти заболевания со своей профессиональной деятельностью [26].

Учебно-познавательная деятельность студентов-медиков характеризуется как весьма напряженная форма учебной работы.

Ряд авторов выявили зависимость частоты заболеваемости студентов от регулярности занятий физической культурой и спортом [8, 24, 25]. Они отмечают, что студенты старших курсов (где нет обязательных занятий по физическому воспитанию) оказались весьма подвержены стресс-факторам экзаменационного периода.

Возникновение и обострение заболеваний в большинстве своем связаны со спецификой обучения в вузе: высокая загруженность учебными программами (более 10 часов в день), значительная усталость в конце учебного дня, недостаточная двигательная активность (менее 4 часов в неделю), большие психоэмоциональные нагрузки, сильное чувство тревоги, нарушение режима сна, нерациональное питание [7].

У студентов-медиков выявлено снижение функциональной подвижности и увеличение латентного периода двигательной реакции под влиянием утомления в течение учебного дня. В ряде случаев были обнаружены явления переутомления, проявляющиеся возникновением головных болей, приступами сердцебиений, снижением внимания, памяти, расстройствами сна. Отмечались возникновение изменений мозгового кровообращения и нервно-психические расстройства [40, 45].

Умственная работоспособность студентов в учебном году претерпевает волнообразные изменения. Спад умственной работоспособности в период сессий обусловлен не только суммацией утомления, эмоциональных переживаний, связанных со сдачей зачетов и экзаменов, но и также со значительным снижением их двигательной активности в этот период [4, 12, 23, 29].

У студентов 5—6-го курсов отмечается снижение двигательной активности [30, 34]. Вместе с этим наблюдалось уменьшение уровня фактической жизненной емкости легких, максимальной вентиляции легких. Эти сдвиги сопровождались закономерным снижением работоспособности (по результатам Гарвардского степ-теста), развитием детренированности, повышением у 27% студентов массы тела (ожирение I и II степени).

Выявлено, что уровень максимального потребления кислорода у студентов очень тесно коррелирует с величиной их двигательной активности [27].

Сопоставление показателей максимального потребления кислорода у студентов, не занимающихся спортом, и спортсменов выявило значительно большие величины у спортсменов.

Изучая показатели гемодинамики у студентов-медиков под влиянием велоэргометрической нагрузки [20, 29], обнаружили более экономичную реакцию кардиореспираторной системы у студентов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом. Темпы восстановления были также более высокие у студентов-спортсменов.

Исследования, проведенные в 1985—2000 гг. в Волгоградском государственном медицинском университете, выявили, что физическая подготовленность молодежи к службе в армии за последние 10—15 лет не повышается, а даже снижается и не отвечает в полной мере требованиям программных документов Вооруженных сил по физической подготовке [17, 18].

Таким образом, многие авторы в различных медицинских вузах страны, проводя наблюдения за особенностями функцио-

нального состояния организма студентов-медиков, приходят к выводу о том, что учебный процесс существенным образом отражается на их здоровье и работоспособности. Задача сохранения и укрепления здоровья студентов в вузе в значительной степени возлагается на кафедру физического воспитания. Зависимость состояния здоровья человека от уровня двигательной активности доказана многочисленными исследованиями и не требует новых подтверждений. Однако в теории и методике физического воспитания студентов есть много проблем, решение которых позволило бы значительно улучшить учебный процесс и способствовало бы более эффективному оздоровлению студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анохина И. А.* Влияние различных сочетаний упражнений на физическое развитие и функциональную подготовленность студенток // Пробл. физкульт. образ. и физ. воспитания учащ. молод.: Сб. регион. науч.-практ. конф.: Т. 4. Ч. 2. Ростов н/Д, 1995. С. 44—45.
2. *Антикова В. А.* Концептуальные направления совершенствования физического воспитания в вузах // Актуал. пробл. физ. воспитания в вузе: Сб. тез. докл. Всеукраинск. науч.-практ. конф. Донецк, 1995. С. 5—6.
3. *Она же.* О совершенствовании физического воспитания студенческой молодежи // Пробл. физкульт. образ. и физ. воспит. учащ. молод.: Сб. регион. науч.-практ. конф.: Т. 4. Ч. 2. Ростов н/Д, 1995. С. 20—25.
4. *Бурханов А. И., Носова Л. И. и др.* Адаптация студентов к обучению в вузе // Гигиена и санитария. 1992. № 7, 8. С. 53—55.
5. *Доленко Ф. Л.* Использование спортивной мотивации для приобщения студентов к здоровому образу жизни // Пробл. физкульт. образ. и физ. воспитания учащ. молод.: Сб. регион. науч.-практ. конф.; Т. 4. Ч. 2. Ростов н/Д, 1995. С. 30—32.
6. *Дяченко А. П.* Оптимизация физической подготовки студентов-медиков // Актуал. пробл. физ. воспитания в вузе: Сб. тез. докл. Всеукраинск. науч.-практ. конф. Донецк, 1995. С. 10—11.
7. *Зувский Ю. Б., Рубцов О. Г., Исаев В. Г. и др.* Некоторые аспекты образа жизни студентов // Традиционные и нетрадиционные методы оздоровления детей: Тез. докл. VII междунар. конф. Смоленск, 1998. С. 142.
8. *Калинин В. М., Анастасов Н. Ю., Малков В. С., Галочкин В. А.* Влияние двигательной активности на неспецифическую сопротивляемость организма учащейся молодежи // Роль физич. культуры и спорта в оздор. молод.: Сб. тез. докл. межд. науч.-практ. конф. Смоленск, 1998. С. 81.
9. *Князева В. В., Князева Т. С.* Процесс повышения физической активности — необходимость для студентов ставропольских вузов // Пробл. оздор.-спорт. науч. и коммерч. деятельн. кафедр физ. воспит. в усл. гос. реф.: Сб. матер. Российск. науч.-практич. конф. Ростов н/Д, 1997. С. 235—237.
10. *Ковалев В. В., Литвиненко Е. П., Литвиненко А. Ю.* Физическое здоровье и профилактика психогений в чрезвычайных ситуациях // Актуал. пробл. физ. воспитания в вузе: Сб. тез. докл. 2-й Всерос. науч.-практ. конф. Донецк, 1998. С. 96—97.

11. *Колпаков В. В., Бабакин Е. А.* Индивидуальные различия потребности в движении у студентов мед. вуза // Роль физ. культ. и спорта в оздор. молод.: Сб. тез. докл. Межд. науч.-практ. конф. Смоленск, 1998. С. 100.
12. *Лебедев Н. А., Сивас Н. В., Щербакова В. В. и др.* Медико-профилактическое обеспечение учебного процесса студентов мед. университета // Пробл. физкульт. образ. и физ. воспитания учащ. молод.: Сб. регион. науч.-практ. конф. Т. 4. Ч. 2. Ростов н/Д, 1995. С. 67—69.
13. *Лосик Т. Н., Филинков В. И., Коцарь Т. В. и др.* Оценка готовности и средства подготовки студентов к выполнению государственных тестов // Актуал. пробл. физ. воспитания в вузе: Сб. тез. докл. 2-й Всерос. науч.-практ. конф. Донецк, 1998. С. 26—27.
14. *Лунина Л. И.* Совершенствование системы физического воспитания в педагогическом вузе // Пробл. физкульт. образ. и физ. воспитания учащ. молод.: Сб. регион. науч.-практ. конф.: Т. 4. Ч. 2. Ростов н/Д, 1995. С. 15—20.
15. *Майков В. Н.* Динамика функциональных и антропометрических показателей физического развития студентов в процессе обучения в медицинских вузах: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Курск, 1994. С. 21.
16. *Мандриков В. Б.* Влияние адекватной физической нагрузки на рост и развитие будущих призывников // Современные проблемы гигиенического воспитания населения и военнослужащих: Сб. науч. тр. СПб., 2001. С. 60—61.
17. *Он же.* Технологии оптимизации здоровья, физического воспитания и образования студентов медицинских вузов. Волгоград, 2001. 322 с.
18. *Он же.* Физическое развитие и функциональное состояние студентов-медиков в динамике 4 лет обучения в вузе // Образовательная, воспитательная и оздоровительная роль физического воспитания и спорта в современных условиях: Сб. матер. Межд. науч.-практ. конф. М., 2000. С. 81—82.
19. *Мокеев Г. И.* К вопросу об организации физического воспитания студенческой молодежи // Организац. и метод. уч. проц. физ. культ. оздоровит. и спорт. работы: Сб. матер. конф. Ч. 1. Ростов н/Д, 2000. С. 21—24.
20. *Неумоин В. В.* Типологические закономерности организации системной кардиогемодинамики и вегетативных регуляций у студентов в условиях физических нагрузок различной мощности: Автореф. и дис. ...канд. биол. наук. Краснодар, 1993. 19 с.
21. *Он же.* Направления оптимизации физического воспитания студентов медицинских вузов // Актуальные вопросы медицины: Сб. трудов юбилейной 50-й научной сессии ВМА. Волгоград, 1995. С. 46—48.
22. *Пономарева В. В.* Новый метод диагностики и коррекции с помощью мышечного тестирования // Роль физич. культуры и спорта в оздор. молод.: Сб. тез. докл. Межд. науч.-практ. конф. Смоленск, 1998. С. 165.
23. *Она же.* Степень адаптированности и умственной работоспособности в зависимости от двигательной активности // Роль физич. культуры и спорта в оздор. молод.: Сб. тез. докл. Межд. науч.-практ. конф. Смоленск, 1998.
24. *Порубайко Л. Н., Гетманский Е. К. и др.* Состояние здоровья и физической работоспособности студентов первого курса высших учебных заведений // Роль физич. культуры и спорта в оздор. молод.: Сб. тез. докл. Межд. науч.-практ. конф. Смоленск, 1998. С. 168.
25. *Пранор С. С., Бабенкова Р. Д.* Анализ статистических данных о состоянии здоровья студентов за последние двадцать два года // Организац. и метод. уч. проц. физ. культ. оздоровит. и спорт. работы: Сб. матер. конф. Ч. 1. Ростов н/Д, 2000. С. 145—150.